

ВАЛЕРИЙ ЧЕКМОНАС
Вильнюсский университет

Аканье и яканье в говорах Псковского района (современное состояние и проблемы истории)*

На диалектологической карте русского языка территория Псковского района является крошечным островком размерами приблизительно 80 на 80 км, расположенным на окраинах восточнославянского мира и на окраинах огромного ареала аканья-яканья. Однако в прошлом эта территория была центром Псковской земли, история образования которой связана с древнейшими колонизационными потоками славян, а в эпоху формирования русских диалектов здесь происходили процессы, понимание которых имеет большое значение для истории лингвоэтнической ситуации в Причудье и этапов распространения аканья и яканья в северо-западных говорах.

1. БЕЛЬСКАЯ СИСТЕМА ПРЕДУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА

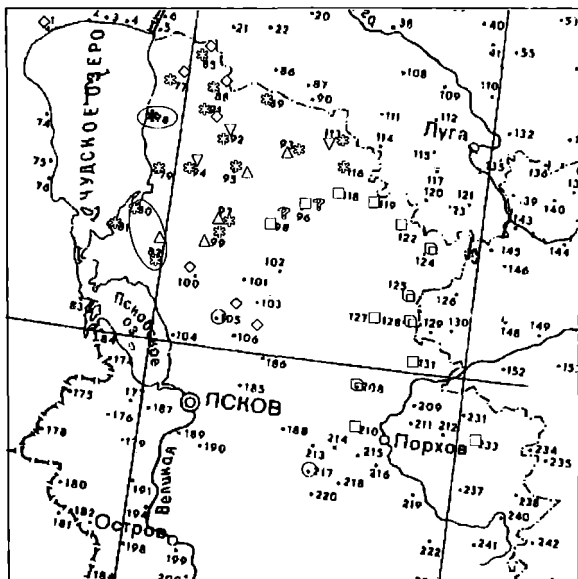
Исходные данные

Судя по опубликованным данным, которые были подробно рассмотрены в статье [Чекмонас 1998], территория распространения полновских говоров на юге почти совпадает с современной административной границей Псковского и Гдовского районов. Согласно карте 3 ДАРЯ I [1986,] “Типы различия или совпадения гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных”, полновский вокализм распространен также в самой северо-восточной части Псковского района вплоть до Середки (пункты 100–103, см. карту 1 данной работы)¹.

В границах этого района на уровне Середки и к югу от нее до Пскова по программе ДАРЯ было обследовано четыре населенных пункта (100, 104, 105, 106) и установлено, что в данном микроареале распро-

* Статья является непосредственным продолжением нашего доклада XII Съезду славистов, см. *Slavistica Vilnensis* 1998; по первоначальному замыслу, она должна была быть его составной частью. Этим обстоятельством объясняется как объем статьи, так и ее публикация в данном выпуске.

странено сильное (недиссимильативное) аканье, являющееся, как известно, одной из основных, наряду с сильным (недиссимильативным) яканьем, характеристик псковского диалекта в целом. Только в пункте 105 (д. Красиковщина² Гверздонского с/с Псковского района, расположенной в 15 км к юго-востоку от Середки), и, возможно, 106 (д. Черемша), эксплораторами были зафиксированы единичные случаи диссимильативного аканья.

Карта 1. Аканье и яканье в северной части Псковской области по данным ДАРЯ.

Условные обозначения

- (на территории Псковской области и без дополнительных знаков) сильное аканье-яканье (это и указание на положение обследованного населенного пункта на бланковой карте V ДАРЯ)
- ⊙ диссимильативное аканье (пп. 105 и 217) □ оканье
- ▣ оканье при единичных случаях аканья
- ⊗ гдовское, полновское оканье и другие системы
- ◇ яканье гдовского типа
- △ полное или частичное различие <о> – <е> – <а> только перед *é, ó, режé á* типа у *сестры́/сестры̀, в лесу́, пятóк, несём, белю́, гляди́*
- ▽ то же самое типа у *сестры́, в лесу́, пятóк, несём, белю́, гляди́*

Согласно карте 3 ДАРЯ, в ареале между пунктами 100 (д. Люботеж Середкинского с/с) и 106 (д. Черемша Гверздонского с/с), в том числе и в пункте 105 (т.е. в упомянутой выше д. Красиковщина), с сильным аканьем сочетается “яканье гдовского типа”. Для целей нашей работы это понятие является очень важным, и потому необходимо остановиться на нем специально.

Понятие гдовского яканья или “канонической системы гдовского яканья” как системы реализаций

$$\begin{array}{c} \text{С'аСі́ ы́ ү́} \\ \text{С'е,оСé} \quad \text{С'е,оС(')б́} \\ \text{С'аСá,} \end{array}$$

в предударном слоге после мягких согласных, было сформулировано и обосновано Т.Ю. Строгановой [1962, 103–105]. Как видим, эта система предударного вокализма характеризуется собственно яканьем в слогах перед последующими ударными гласными верхнего и нижнего подъёмов [і́ ы́ ү́ á] и “различением” (т.е. сохранением) качества этимологических /е о/ в слогах перед последующими ударными гласными среднего подъёма (или своего рода гармония гласных среднего подъёма). Такое понимание системы гдовского яканья принято в [Русская диалектология 1965, 65], и судя по всему, стало хрестоматийным (ср. [Русская диалектология 1989, 52]). Считаем необходимым сделать только два уточнения, значимость которых не сразу была нами осознана.

Первое, поскольку в говорах с канонической системой гдовского яканья в слогах перед последующими [б́] и [é] ударными исконное [’а] сохраняется, например, *дивяно́ста*, *прядёш (-о́т)*, *ячмён’*, то формулы С’е,оСé и С’е,оС(’)б́ в этой системе указывают на факт *сохранения* исконных предударных [е о] перед [é б́]. Следовательно, в системе канонического гдовского яканья предударные слоги перед последующими гласными среднего подъёма [е о] представляют собой элемент системы *оканья* как системы различения исконных гласных [е о] в предударном слоге. Это означает, что в канонической гдовской системе яканья сочетаются как принцип собственно аканья-яканья (в слогах перед последующими ударными [і́ ы́ ү́ á]), так и элемент более древней *окающей* системы. Каноническую гдовскую систему предударного вокализма можно рассматривать поэтому как в прямом смысле переходную от *оканья* к *аканью*. Согласно Т.Ю. Строгановой, “это наиболее распространенный вариант системы гдовского вокализма после мягких согласных” [1970, 423].

Второе, каноническая система гдовского яканья, судя по известным данным, всегда сосуществует с системой гдовского аканья, которое представлено как система предупредных реализаций

$$\begin{array}{ccc} \text{CaCi} \acute{y} & & \acute{y} \\ \text{CoC}\acute{e} & & \text{CoC}(\acute{y})\acute{o} \\ & & \text{CaC}\acute{a}, \end{array}$$

изоморфной системе канонического гдовского яканья [Строганова 1962, 103]; см. также [Степанова 1997].

К северу от ареала канонической системы гдовского вокализма распространена его разновидность, в которой сочетаются уканье в твердых слогах и иканье в мягких слогах перед последующими ударными [é ó] — при аканьи-яканьи перед остальными ударными, т.е. система реализаций

$$\begin{array}{ccc} \text{CaCi} \acute{y} & & \text{C}'\text{aCi} \acute{y} \\ \text{CyC}\acute{e} & \text{CyC}(\acute{y})\acute{o} & \text{CиC}(\acute{y})\acute{o} & \text{CиC}(\acute{y})\acute{o} \\ & \text{CaC}\acute{a}, & & \text{C}'\text{aC}\acute{a}. \end{array}$$

[Образование 1970, 422–423]; см. также [Евгеньева 1948, 211–213; Строганова 1962, 10–105]. Данная система предупредного вокализма, конечно, является родственной канонической гдовской системе в том отношении, что в обоих случаях собственно аканье-яканье допускается в слогах перед ударными гласными верхнего подъема [í bí ú], а также [á]; но очевидно также, что это не просто варианты одной системы, а два этапа ее развития, так [и у] в слогах перед [é ó] представляет собой безусловную инновацию по отношению к предупредным [е о] канонической системы. По этой причине мне кажется неоправданным называть обе рассматриваемые системы предупредного вокализма общим термином “гдовская система” или “гдовский вокализм”. К сожалению, ни распространение, ни особенности безударного вокализма этих систем в целом к настоящему времени остаются изученными недостаточно, и поэтому решение затронутых вопросов, в том числе и терминологических, оставляем на будущее.

Для целей нашей работы важно отметить, что Т.Ю. Строганова обнаружила также систему вокализма, в которой “гдовское”, по ее словам, яканье сочетается с *сильным* аканьем (т.е. аканьем во всех предупредных слогах, условно CaCV, где V — любой ударный гласный, вокал) — но “гдовское яканье” при этом оказывается весьма своеобразным. Конкретное описание особенностей реализации такой системы предупредного вокализма (по данным говора д. Мельницы, расположенной к северу от Красиковщины и в 9 км к востоку от

Середки) опубликовано ею в [Образование 1970, 424]. Сведения Т.Ю. Строгановой важны для дальнейшего изложения, и поэтому считаем необходимым проанализировать их подробнее.

Особенности предупредного вокализма говора д. Мельницы в рассматриваемой работе демонстрируются следующими примерами (приводим их с несущественными сокращениями)³:

предударное [и] < /e/ перед [ó]: *Питро́ф, тризвóнила, свикрóвушка, нипóмню, пи^ерлóвую, вирхóм, сидлóм, дишóвая, пристóл'ный, виснóй, мишóк, скатир'óтки, ф сир'óтку;*

предударное ['а] < /e/ перед [ó 'ó]: *гняздó, хлявóф, йавóнный, пяс-тóм, йавó, вядрóм, сляпóй, сядлó, вядрó, йайцó, л'нянóй, с' с'астрóй, кипяткóм, ре^адóм, крястóф, мяшкóм, лясóф, зямлэй, зимлянóй, но на вир'óфкэх, ф Пиц'óрах, сир'óтка, бир'óза;*

сохранение [e] < /e/ перед [ó]: *ребрó, Йегóрий* (два примера);

предударное [и] перед [é]: *в, с дирéвни развид'óm лип'óшки, -у, с лип'óшкэм, типéр', нивéстка, нидéлю, нидéлали, пирéнники, мише́чек; наконец, аканье демонстрируется двумя примерами: аннóй, ручаёк.*

Аналогичная система предупредного вокализма, согласно Т.Ю. Строгановой, функционирует также в пп. 1, 2, 3, 4 ДАРЯ, расположенных вдоль северного берега Чудского озера, т.е. на территории, непосредственно не граничащей и удаленной от говора д. Мельницы; примеров из этих пунктов не приводится. В более ранней работе она указала, что такая же система вокализма характерна для говоров дд. Колтырино, Усадище (несколько к западу и юго-западу от Середки, в сторону Псковского озера) и Лаптево, Лутово в непосредственной близости к Мельницам [1962, 105], см. карту 1.

Как видим, говоря о “сочетании аканья и гдовского яканья”, Т.Ю. Строганова под “гдовским яканьем” в данном случае имеет ввиду не собственно яканье, т.е. нейтрализацию [e] и [а] > ['а], но вообще “неразличение” /e/ и /'o/ перед последующими ударными /é/ и /ó/, причем “неразличение” с исходом в [и], т.е. по существу *иканье* (ср. *Питро́ф* ‘Петров’, *тризвóнила* ‘трезвонила’ и т.д.), при котором, в принципе, возможно также сохранение исконного /e/ перед ударным [ó] (только два примера *ребрó, Йегóрий*). Поскольку аналогичное *иканье* характерно для говора и в слоге перед последующим ударным [é] (*дирéвни* и т.д.), то *яканье* перед ударным [ó] (типа *гняздó* ‘гнездо’) ею рассматривается как следствие “ярко выраженной тенденции к единообразию вокализма после твердых и мягких согласных, которое и наступает при осуществлении системы сильного *яканья*” [1970, 424].

Сжатые комментарии к карте 3 ДАРЯ, выполненные К.Ф. Захаровой [ДАРЯ I 1986, 92, 94], содержат *иное понимание природы гдовского яканья*. Во-первых, в таблице типов яканья гдовский тип яканья определен как система реализаций

С'аСй (ы) у
 СиСé ó
 С'аСá,

т.е. наличие предударного [и] перед последующими ударными [é ó] (при яканьи в остальных позициях) рассматривается здесь как *основная разновидность гдовского яканья*. Во-вторых, К.Ф. Захарова полагает, что “почти во всех говорах с гдовским типом яканья отмечается сосуществование [а] и [и] (или [е]) перед ударенными ó и é”.

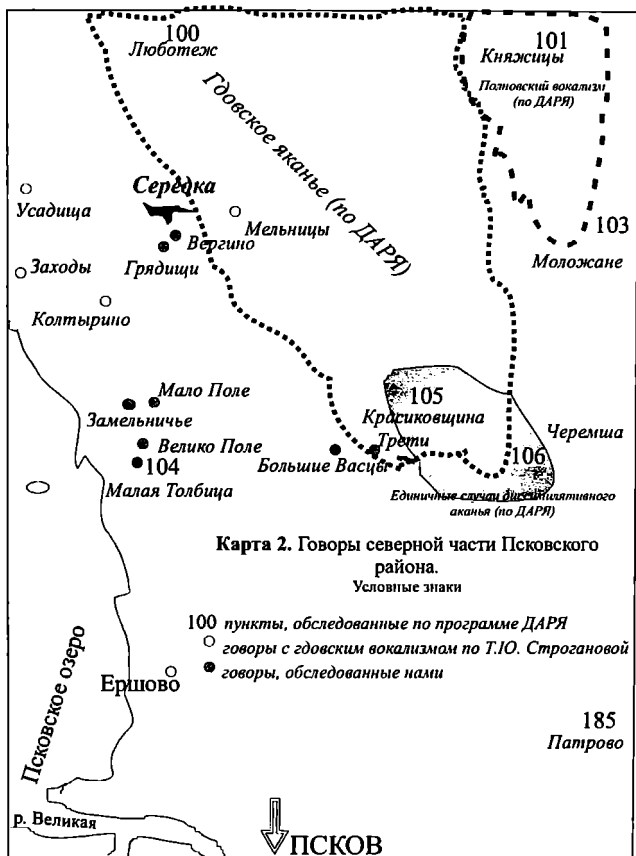
Эти комментарии переворачивают теорию гдовского яканья, разработанную Т.Ю. Строгановой, вверх ногами, поскольку ту ситуацию, которую Т.Ю. Строганова рассматривает как *неосновную разновидность гдовского яканья* (в том числе и отступления от иканья в этой системе), функционирующую только в говорах с сильным аканьем, К.Ф. Захарова со всей очевидностью считает *основной ее разновидностью*. В то же время существование той системы, которую мы назвали “канонической” или основной системой гдовского яканья, комментариями К.Ф. Захаровой фактически отрицается. Кроме того, размер и конфигурация ареала “гдовского яканья” в северной части Псковского района на карте 3 ДАРЯ [1986₁] дает основание полагать, что К.Ф. Захарова, как составительница этой карты, не учла наблюдения о существовании такой же системы в деревнях, в которых оно было зафиксировано Т.Ю. Строгановой ранее.

В данной статье несколько подробнее, чем в работах Т.Ю. Строгановой, описывается система предударного вокализма, сочетающая сильное аканье (СаСV), яканье в слогах перед последующими гласными [й у ё], [á] и иканье перед последующими ударными [é ó], а также ее распространение в говорах северной части Псковского района. Эту систему предударного вокализма (и безударного вокализма в целом) мы предлагаем называть *бэльской*. Необходимость считать такую систему отличной от собственно гдовской, а также мотивировка термина обосновывается в заключительной части раздела о данных говорах.

В 1992, 1993 и 1996 гг. нами были сделаны многочасовые записи образцов местной речи в деревнях Грядищи, Малая Толбица, Велико Поле, Мало Поле, Замельничье, Трети и (Большие) Васцы⁴, которые расположены к югу от Середки (см. карту 2 данной работы). К югу

от Малой Толбицы до Ершова еще можно найти деревеньки с исконным сельским населением, а далее начинаются фактически деревни-дачные пригороды Пскова, в которых местных жителей либо вообще нет, либо в них проживают молодые люди, в той или иной степени владеющие городской речью. Такова же ситуация везде вокруг Пскова, и в настоящее время представляется нелегкой задачей найти носителей традиционной речи в сохранившихся еще припсковских деревнях. По этой причине, исследуя особенности говоров Псковского района, мы вынуждены опираться на данные, записанные по его окраинам.

Следует также принять во внимание, что магнитофонные записи выполнялись по программе изучения особенностей консонантизма псковских говоров вообще, а также говоров Псковского и Гдовского районов в частности. Трудно было себе представить, что вплоть до 1992 года, когда начались наши экспедиции, какие-либо особенности предупредного вокализма говоров Псковщины были недостаточно подробно изучены или вообще не замечены. Главным образом по этой причине в наших записях зачастую не хватает примеров для характеристики тех или иных его характеристик. Особенно это касается предупредного слога с исконным /e/ перед последующим ударным [é]. Дело в том, что в исследуемых говорах в дат. и пред. падежах существительные женского рода типа *вода*, *земля* имеют окончания (*вад*)-*ы́*, (*зямл*)-*ы́*. Кроме этого, в данных говорах существительные мужского и среднего рода в пред. пад. ед. ч. также имеют окончание *-и*, наприм., **песок* — *нъ пяскí*, **село* — *в сля́и*. Указанные морфологические изменения привели к тому, что количество исконных последовательностей CeCé (например, **землэ́*, **на пексэ́*) намного уменьшилось, они относительно редко встречаются в речи и без специальной программы их оказалось нелегко зафиксировать. По этой причине материалы и выводы данной работы можно и следует в ряде отношений считать предварительными и провизорными; на их основании к настоящему времени составлена подробная программа и намечены ареалы, где ее следовало бы выполнить для того, чтобы вопросы, затрагиваемые далее, могли бы считаться удовлетворительно освещенными. Однако, как кажется, мы располагаем достаточным материалом для того, чтобы обосновать и уточнить наблюдения Т.Ю. Строгановой, проанализированные выше.

Дд. (Большие) Васцы и Трети⁵

Характер аканья

Для говора этих деревень характерно сильное, без всяких исключений, аканье, например⁶: *кръсатá*, *бъгамáс* 'богомаз', *ни палáдит* 'не поладить', *часáли*, *фтарáя вайнá*; *калхóзы*, *сваё*, *патóm*, *камён* 'йим', *памёршы*, в *ьгарóди*, *малóдый*, *падóши*, *дварóф*; *касýли*, *мачýли*, в *мачýл* 'йьх', *дачкú*, *кату́шки* и т.д., что согласуется с данными карты

1 ДАРЯ I [1986₁]. В более чем двухчасовых записях встретился только один пример несколько нечеткого, суженного [а] перед последующим [á] ударным в слове *и паса́де* (хлеб в печь) на многие десятки примеров четкого произношения [а] в данной позиции типа *снава́ли*, *снава́л'ны*, *крьса́та*, *дачка́*, *браса́ли пь снапа́м* и т.д. Поэтому можно предполагать, что суженное [а] в указанном случае обусловлено не позицией перед последующим ударным [á], а иными факторами. Считаем необходимым обратить на это особое внимание, поскольку, как уже отмечалось выше, по данным карты 1 ДАРЯ I [1986₁] в пп. 105 и 106 (дд. Красиковщина и Черемша) отмечены "единичные случаи диссимилятивного аканья". Не на основании ли примеров типа *паса́де* было сделано такое заключение? Если это так, то следует подчеркнуть, что такое решение вряд ли можно считать обоснованным, поскольку *a*-тембр у [а] полностью сохраняется и это [а] заметно сокращается, т.е. в данном случае отсутствуют основные признаки так наз. диссимилятивности. Наши материалы не дают никаких оснований предполагать наличие явлений диссимилятивности при реализации аканья.

Особенности яканья

Яканье наблюдается в предударных слогах перед гласными верхнего подъема [и́ ы́ у́], а также перед [á], например:

зямлі́, *д'али́ц'*, *рякі́* (неск.), *ц'ану́ц'*, *рвз'вяз'лі́*, *рвс'цялі́ли*, *пялі́* 'полова, мякина', *с'цялі́ли*, *п'рямы́м*, *с'пяку́*, *сям'йу́*, *пякли́*, *ня ві́дют*, *ни унясу́*, *убягу́*, *убяжы́ши*, *ътвязі́* 'отвези', *п'вязу́*, *пяч'ы́* 'печь' (глаг.);

сям'йа́ (неск.), *атвыява́л*, *ц'ага́ли*, *абряза́ли*, *ряза́лки*, *ряка́*, *с'вяза́ли*, *кяфца́*, *ня зна́фшы*, *пятна́ццэ́*, *дли сяб́я*, *нъдява́т'*, *пъцяря́лся*, *вяза́ли*, *с'цяба́ли*, *ас'цяба́иш*, *ляжа́т*, *бжажа́т*, *вянча́лис'*, *нъ кряста́х*, *ляжа́ла*.

Судя по имеющимся у нас материалам, в говоре абсолютно преобладает собственно иканье, т.е. реализация исконного предударного [e] и [ʼa] как [и], в слогах перед последующими ударными [é] и [ó]:

дирэ́вня (неск.), *симéй*, *пич'э́н'йа*, *д'ице́й*, *кришч'э́ние*, *ниве́стка* (неск.), *ниде́ли*, *циле́га*, *типéр'* (наряду с *тапéр'*), *пвс'ципéнна*, *виз'д'э́*, *пътире́т'*, а также *пъглиде́л бы*, *тижэ́л'чы*, *тижэ́л'шы* с [и] из [ʼa];

в вирхо́линэ́х 'в Верхолине', *мат'ниро́дная*, *биго́м бе́гэ́ли*, *пъ'визэ́ прьдава́т'*, *йиво́*, *мишо́к*, *нъ вирéх*, *кв'лисо́м*, *виритéны*, *кипо́ф* (неск.) 'кепов, ничельниц', *висно́й*, *нибо́л'шы*, *бирéт* (неск.), *пирипи́чон* 'перепечено, много печено (хлеба)', *пъмилóм*, *ни спикéш*, *нисé*, *нихто ни с'пикéт*, *рвз'видéш*, *нъпичо́н*, *липéшки*, *липéшьк* (неск.), *рвз'видéш*, *нъ пичо́ры*, *ф пичо́рэх*, *пишкóм*, *присто́л'ный*, *ни зъпригéт* (ср. *я зь-*

прягу́, йей ни запрéч), цилёнка ‘теленка’, *зирно́* (неск.), *зъвилос́*’, а также *д’ивицсот, дивиноста, куда гридëш?* (неск.) ‘куда грядешь, т.е. идешь?’⁷ с предупредным [и] из [’а], *пъцидёлък* ‘подседлок’, наконец, реализации типа *ни помню* (ср. *ня зняю*), *биз нок* и т.д.

В нескольких случаях перед ударными [é] и [ó] было произнесено [e], например: *дерéвня, ииддалекó, ребёнък, з’ з’ерно́м, зерно́* (неск.), *зиёрно́м, сел’ско́е*. Совершенно очевидно, что [e] в этой позиции является факультативным вариантом, который, как кажется, возможен в тех же самых словах, которые обычно произносятся с [и]. Есть основания полагать, что [e] в данной позиции произносится в словах под эмфазой и под сильным логическим ударением, особенно если они находятся в начале предложения. Показателен, в связи с этим, такой пример. Информатор из д. Трети говорит:

— (надо было) *в гви₅₉рзón’₁₃₇хадит’ ф шкóлу* //

После переспроса *куда?* она выразительно произносит:

— *! в гвѣ₉₂рздóн’₁₂₀! в гвѣ₈₄рздóн’₁₁₀хадит’ бýла* //

Она же говорит:

— *! мой атёт тр’э₁₁₄к’óй’₁₆₉! принёмшы вот с этъй де₁₁₉р’₁₃₈вни,
! с три₈₈тѣй₁₁₂ принёмшы ф канеч’к в дом !.*

Речь идет о том, что ее отца приняли в дом его жены (‘отец принёмшы’!). Долгие предупредные гласные в словах *тр’эцкóй* и *дерéвни* показывают, что эти слова являются интонационно подчеркнутыми. Очевидно с этим связано и их *e*-качество. Слово *с тритѣй* произнесено более ‘спокойно’ (т.е., оно является интонационно менее выделенным) и, как видим, в нем звучит предупредное [и].

В нескольких случаях вместо [e] прозвучал несколько более широкий и более низкий по подъему звук, который мы обозначаем как [э ε]: *пъд з’эмлѣй, с’ с’эм’йóй, муж жс жено́й*. Зафиксированы также два случая яканья в слоге перед [ó]: *дивяно́ста* (наряду с *дивиноста*, что дает основание говорить именно об яканьи в данном случае, а не о сохранении [’а]), *зъ вялѣкѣй рякóй* (Б. Васцы).

Рассматриваемый говор находится на уровне пункта 106 ДАРЯ (д. Черемша) и в пяти километрах к западу от пункта 105 ДАРЯ (д. Красиковщина). На основании данных из этих пунктов на карте 3 ДАРЯ I [1986,], как уже говорилось, и очерчен ареал ‘яканья гдовского типа’. Очевидно, рассматриваемый нами говор также принадлежит к этому ареалу. Однако, как видим, предупредный вокализм данного говора отличается от говора д. Мельницы, описанного Т.Ю. Строгановой, фактическим отсутствием яканья перед последующим ударным [ó]. Более того, в наших записях зафиксированы две особенно-

сти реализации яканья перед последующими [í ы ú] и [á], свидетельствующие о том, что даже в этих позициях оно не закрепилось полностью.

Во-первых, в целом ряде реализаций вместо ожидаемого [’а] было четко произнесено [е]: *врeд’или, нъ в’лакуш’х в’с’ци, ф сен’ях, трeп’али йив’о, трeп’ал атeц, ни трeп’ала — и тряп’ат’, тряпл’ю в быстрой речи, дев’я’т’ва, сестр’а б’ва’ит, ф семн’ац’т’м гаду, ск’тер’с’ц’а, реб’ят, з’ дзец’ям брали, не ст’ала.*

Во-вторых, предупредное [е] при этом может быть несколько более широким, чем собственно [е] (например, *кр’эс’цили с р’эб’ят’м, ǔ м’эня, м’эняли, с’эм’йа*), или действительно широким, транскрибируемым как [ε], по подъему лишь незначительно отличающимся от [а]: *к’еп’и, з’емля, с’еб’я, д’ли с’еб’я, дз’ен’г’ам, с’ем’йа, я д’ер’ж’ала кар’о’у.* Мне кажется, такого типа звук Т.Ю. Строганова обозначала как [e^a], ср. ее пример *ре^aд’ом* из говора д. Мельницы (см. примеры из ее статьи, цитированные выше). Иногда хочется такое [ε] транскрибировать как [’а], но сопоставление, напр., таких слов как *тр’е’ц’к’ой* ‘трещкой’, из д. Трети’ и *ряб’ята* позволяет заметить значительное различие между ними. В предупредном слоге [’а] перед последующим ударным [á] может быть несколько более суженным и высоким по подъему ([a] в нашей транскрипции), например, *м’аш’а’им, в’ан’чал’ис*, что более заметно в позиции между мягкими согласными, как в слове *дзир’ав’ня*).

Все перечисленные выше реализации являются факультативными. Например, слово ‘ребята’ и др. формы от него одним и тем же информатором были произнесены как *ряб’ята, с реб’ят’ом, р’эб’ята, р’еб’ята, р’аб’ят*, причем я не уверен, что в каждом отдельном случае транскрипция является абсолютно точной (хотя вся запись прослушивалась и просматривалась с помощью компьютерной программы). Можно утверждать также, что в большинстве случаев, когда ухо колеблется в определении качества предупредного гласного, он является объективно (акустически) негомогенным, а как бы дифтонгоидным, начинаясь с четкого е- или ε-отрезка и заканчиваясь значительно более широким звуком типа [э, ε] с явным а-оттенком. То же самое наблюдается иногда и после твердого согласного, как, например, в одной из реализаций слова *час’али*. Без дополнительных исследований трудно понять, является ли такое произношение результатом влияния якающего произношения, или же мы наблюдаем такую особенность реализации предупредного [е], которая некогда способствовала зарождению и распространению яканья.

Длительность предупредного слога. Понятие плерофонии

В рассматриваемом говоре все предупредные гласные можно квалифицировать как гласные полного образования, т.е. все они являются, как правило, качественно определенными (кроме случаев, оговоренных выше). При простом прослушивании магнитофонных записей некоторая их “подчеркнутость” (выделенность в ритмической структуре) по сравнению с литературным произношением легко улавливается на слух. Отличие этого произношения от московского просторечного состоит в том, что предупредное [а] в данном говоре является более узким, т.е. более высоким по подъему. В то же время предупредные гласные данного говора не производят впечатления более длительных или “сильных”, чем последующие ударные, как это наблюдается при олофонии или гиперфонии [Чекмонас 1998, 73–74, 78, 82–83 и др.]. Это впечатление полностью согласуется с соотношением абсолютных длительностей предупредных и ударных слогов, как об этом свидетельствуют следующие примеры:

*бра*_{90á}¹²⁴ли, *сна*_{90á}¹⁵⁹ли, *сна*_{81á}¹⁴²’ны; *тря*_{117а}¹⁵²ла,
*ме*_{108иá}¹²⁷ли, *ке*_{63тó}¹¹⁷ф *зе*_{100рнó}¹⁰³ *де*_{119рé}¹³⁶виш, *спр’э*_{102дém}²²⁶
*па*_{107иó}¹⁴⁴ *па*_{84тó}⁹²м, *нъ*_{34ла}¹⁰⁰тнó ²¹³ *ха*_{68тó}¹²⁹вья, *ха*_{50рó}¹⁵¹швы,
*чá*_{63ла}⁷⁶эк₉₅ *нъ*_{38ла}¹³⁰тé ⁹³ицы, *па*_{89мé}⁸⁸швы;
*ка*_{74тú}¹³⁰ики, *ча*_{78тб́}¹⁷⁴риста, *ка*_{120сú}¹⁶⁷ли, *га*_{78дú}⁷⁹ *ма*_{92ч’б́}¹⁵³ли,
*ма*_{82ч’б́}¹⁰⁰ли, *в ма*_{92ч’б́}¹¹⁷’йх, *ма*_{92ч’б́}¹²⁷’йе, *ма*_{90ч’б́}⁹⁸ли *йес’т’а*,
*тэк в ма*_{78ч’б́}⁷⁸’их *ма*_{80ч’б́}⁸¹ли, *на*_{94сú}⁷⁸ли, *с ка*_{99сб́м}⁷⁸ *за*_{74тб́}⁶⁴сана,
*ф пля*_{81тú}¹⁰⁴ *па*_{119сб́}⁹⁹ли, *да*_{108чкú}⁸⁷.

Как видим, только в редких случаях предупредное [а] по длительности равно или несколько превосходит последующие ударные гласные высокого подъема, но, поскольку реальная разница в длительностях остается незначительной, то при этом не возникает слухового эффекта сильной выделенности предупредного, как при олофонии. Даже в тех случаях, когда предупредные являются как бы усиленными на слух — в словах под эмфазой, в коротких фразах из двух-трех слов, либо во фразах из одного слова, — этот эффект создается только за счет незначительного их удлинения, сопровождаемого обычно усилением интенсивности (которое способствует более четкой реализации качества предупредных), как это отмечено в случаях типа / *тут* ^{6°} *60*снó ⁷⁸т₁₄₂ / *па*_{78тó}⁷⁵ *на*₈₄ *стá*_{117ф} *на*_{90в} *йúт*₁₄₀ /, *пр’а*_{132м́м}¹³⁰ / *па*_{98á}⁹⁵диш *и нъ*_{ча}^{109сб́}₁₀₂ *па*_{94смó}¹²⁷триш /, / *нъ*⁶⁵ *ча*_{96сб́}⁹⁵ *па*_{98смó}¹²⁷триш /, *пя*_{78тнá}⁹⁸т’ *ди*_{4ф’а}⁷⁶вня₉₇ (усиленные на слух слоги выделены полужирным шрифтом).

Предударные гласные верхнего подъема, независимо от их происхождения, по абсолютным длительностям являются несколько более краткими, чем предударное [а] (и редкое [е]), но ни длительности, ни качество не дает основания рассматривать предударные как редуцированные гласные. Их абсолютные длительности полностью зависят от степени интонационной выделенности соответствующего слова и могут колебаться в значительном диапазоне. Например, в одном из высказываний соотношение длительностей предударных гласных верхнего подъема и последующих ударных было таким:

/ и начéла... бѣ ₃₅си ₇₄кóм' / бѣ ₄₇си ₅₇кóм ₉₀начéла бáинку зѣ ₅₀ли ₆₃вáт' 118
/ в ми ₄₇бó ₁₃₀н ₁₀₂зѣмную /.

Аналогичное колебание длительностей предударных верхнего подъема наблюдаем и в других случаях, например: *при ₇₉нѣ ₁₇₇ла — при ₅₄нѣ ₁₁₃мшы, с _{три} ₈₈тѣй ₁₁₂ — с' _{ви} ₆₂рхó ₁₇₀лина, в _{звѣ} ₅₂рзóн' ₁₃₇ди ₇₅фч ₈₃нки, _{приви} ₉₈зѣ ₁₄₁на* и т.д.

Итак, все предударные гласные в потоке речи обычно являются более краткими по сравнению с последующими ударными — на слух и по объективным длительностям. Поскольку качество предударных [а] и гласных верхнего подъема не отличается от качества ударных, то предударные можно считать несколько редуцированными только в количественном отношении. З.М. Альмухамедова, исследовавшая соотношение качества и количества безударных и ударных гласных во многих русских говорах, ситуацию, описанную выше, называет “первой степенью редукции” [1985, 105]. По предварительным наблюдениям и впечатлениям, такой тип редукции предударных характерен для всех собственно псковских говоров Псковщины. Мне кажется важным определить этот тип редукции терминологически для того, чтобы, во-первых, отличать его от количественной редукции, обуславливающей модификацию качества предударных (и других безударных) или их централизацию (сдвиг места образования и подъема по направлению к центральной гласной кардинального треугольника [э], как в литературном произношении); и во-вторых, чтобы отличить ее от олофонии, при которой предударные также являются гласными полного образования, но более длительными и сильными, чем последующие ударные. Имея в виду основную особенность “количественной редукции первой степени”, а именно, то, что безударные при этом являются “гласными *полного* образования”, предлагается называть ее *плерофонией* (от греч. πλήρης ‘полный, наполненный’ и др., связанные с ним значения).

Одним из самых выразительных и наглядных различий между олофонией и плерофонией является то, что при последней эмфатиче-

ское ударение приходится в основном на ударный гласный, который при этом может быть очень длительным, а предударный удлиняется незначительно. Например, информатор рассказывает о том, как дразили ее отца, и повторяет чужие интонации пренебрежения:

/ при₇₀'б₂₄₂мыш' / при₇₉'й'б₁₈₉мыш' / при₁₀₀'йб₁₃₆мыш' /.

Как видим, ударный [б] в первом случае является супердлинным и выразительно дифтонгичным, он почти в 1,8 раза более длителен, чем в третьем случае, а предударный [и] ведет себя как бы независимо от ударного и является в 1,4 раза более длительным в третьей реализации, где ударный самый короткий. Точно также незначительно удлиняется предударное [а], например, в интонационно выделенном слове (*а йон*) *га₉₆врй₁₄₇ла*. В говорах, для которых характерна олофония, в таких случаях предударный был бы настолько длительным и сильным, что обязательно возникло бы впечатление ударности предударного слога.

В данных говорах не отмечено также случаев оттяжки ударения на приставку односложных глаголов типа *уб'йу*, *найду* и т.д., характерной для говоров с олофонией [Касаткина 1997, 88; Чекмонас 1998, 92]. К сожалению, в наших записях не обнаружено высказываний с интонацией настоятельной и супервежливой просьбы, под которой при олофонии ударение перетягивается на начальный (либо предшествующий) слог слова.

Гласные слабых безударных слогов

Основные характеристики всех слабых безударных слогов, т.е. второго предударного, заударных неконечных и заударного конечного обусловлены, в основном, их позицией в ритмической структуре слова, однако их длительности и качество зависят также от степени интонационной выделенности соответствующих слов, фонетического окружения, а также регистра высказывания.

Относительно позиции в ритмической структуре слова правила реализации гласных в слабых слогах относительно просты, а именно: в них возможны только гласные верхнего подъема [и ы у] и гласный типа [э]; при этом исконные /и ы у/ сохраняют тембр, исконные гласные среднего подъема /о е/ и /а/ представлены звуком типа [э] (ь в традиционной русской транскрипции) после твердых согласных и звуком [и] после мягких, как и исконное /е/, например:

во втором предударном слоге:

*м'лацйль, пр'дават', р'з'в'яз'лй, р'с'ц'ялйли, п'латн'о, в'с'нйк'епйну
в'с'мйк'епйну 'полотно, тканное в восемь кепов (ничельниц)', н'с'ык'а-
ли (цевки), п'гльид'ёл б'ы; д'ивйц'с'от, нй п'айд'ём, д'зйр'явн'я, с'ь'б'йр'ёт, н'ь*

ришатó, виритёны, бизразлiчна, ни пайдём, пѧ йидакѧм дз'ялiли, витрянѧя мѧл'ница, биряглѧ, дли сябѧ, ридавѧм (колхозником работал), ликкавѧсѧя 'легковесная', ни маглѧ;

в заударных слогах:

дзѧвѧк, бѧгѧли, чалóнѧк, липѧшѧк, сѧм'йѧ найѧлѧся, пирит пѧчкѧй, у кѧждѧй хазѧйки в елизѧрѧви, чалóнѧчѧк, чалóнѧчѧк, вiдѧвѧлѧ, фпицѧбрѧх; к óзиру, радiтили, пѧрин', / нѧ зѧвису тѧк на зѧвису /, мяшѧиш, атпѧрѧвин 'отправлен (крат. форма)', в наших радiтилих 'у наших родителей', досл. 'в наших родителях', в мачѧл'йих, камѧн'йим, сѧмичка, приспѧсѧблина, (лен) вѧлижѧцѧ.

При этом во втором предупредном неприкрытом слоге исконное /o/ обычно представлено звуком [y], например: *убрабѧтывѧли, убрязѧли, устѧйцѧ, утпѧрѧвѧли, убисѧли 'обижали' уѧмалѧчѧвѧли*. В некоторых словах [y] < /o/ произносится также в прикрытом втором предупредном после губного согласного, напр.: */ тут устѧнавiфшѧ бѧли жѧт' /, бул'шынствѧ, ву53с'крисѧн'йу* (неск.) и конечно, *мужукѧ, в котором [y], скорее всего, является лексикализированным, но ср. бѧуамѧс 'богомаз, художник-иконописец'*. В ряде слов уканья нет: *апѧяѧцѧ, ѧтлѧтѧйе дал'шы*. Перед предшествующим гласным на стыке слов последующий начальный гласный (второго предупредного слога? или во всех случаях?) элиминируется, например: *нѧ_гарѧди 'на огороде', надѧ_бязѧтил'на 'надо обязательно', ты_отвѧзи 'ты отвези', идѧ_шалѧн 'идет эшелон', хто_дѧнѧкѧй 'кто одинокий'* и др.

Что касается вариантов тембра гласных в слабых безударных слогах, то он зависит от перечисленных выше факторов; подробный анализ влияния этих факторов увел бы нас далеко в сторону от основной темы, и поэтому отметим лишь явления, так или иначе связанные с ней.

Длительность и особенности качественной окраски всех гласных, кроме исконных /и у/, в рассматриваемых позициях в значительной степени зависят от интонационных условий. Иными словами, в слабых безударных слогах наблюдается значительная вариативность в реализации гласных, обусловленная фоностилистическими факторами.

Во втором предупредном слоге в интонационно выделенных словах обычный [ъ] может приобретать а-окраску [ъ^а] или реализоваться как краткий [а] ([α] или [ä] в транскрипции); эти реализации связаны либо с удлинением гласного данного слога, либо с усилением его громкости (отраженном как большая амплитуда, в транскрипции обозначена стрелкой †), ср. например, *пѧ₃₈ла₁₃₀тѧ₉₃нѧцы, пѧ₃₄ла₁₀₆тнѧ₂₁₃ — но пѧт' чѧ₆₃ла₇₅вѧкѧ₉₅ мы жѧыли, пѧ₅₀†ди₇₇шѧ₁₆₅вѧли, пѧ₈₃жѧ₁₂₉нѧл₁₂₉са; мѧ₆₈на₉₃стѧр'†₉₁, хѧ₅₃†ра₁₀₂шѧ₁₂₆*. Появление [α], [ä] или [ъ^а] в таких случаях (при обычных [ъ]) мы будем называть "эмфатическим аканьем".

Исконный /e/ после мягких согласных в аналогичных условиях может быть представлен кратким [ĕ], например: *рĕ₈₇бя₈₃тĕ₇₆шĕк₃₇*, но такая его реализация наблюдается гораздо реже, чем “эмфатическое аканье”. Оставляя в стороне диахроническое истолкование факта возможности появления [e] в данной позиции (о чем далее), обращаем внимание на асимметрию в реализации мягких и твердых слогов данного типа, которая состоит в том, что “эмфатическое аканье” в них не сопровождается “эмфатическим яканьем”, т.е. интонационное усиление слабых предударных мягких слогов не приводит к произношению типа **рябятĕшĕк* и под.

Менее всего зависит от интонации заударный конечный закрытый слог, в котором [ъ] < /o a/ и [и] < /e/ абсолютно преобладают. Однако и в этом слоге [ъ] после твердых согласных значительно варьирует по длительности и в интонационно слабых слогах может реализоваться даже как слоговой призвук ([°] в транскрипции), ср., например, три реализации одного и того же слова: *канĕ₉₉чĕк₅₉*, *ка₁₀₀нĕ₂₇₅чĕк₅₃* и *ф канĕ₉₈ч°к₄₈*. О слабости этого слога свидетельствует и тот факт, что исконное /ы/ здесь также может терять качество и реализоваться как [ъ], ср. *приѣбъш₅₃*, (лен) *вѣлижъца*. О редукции [ы] в данной позиции свидетельствует также и то, что исконный [ы] здесь может приобретать а-оттенок, а исконное [а] — ы-оттенок (ср.: *с майм хазя-инь°м*, *в’ вирхóлинъ°х* — *в’ вир’хóлинāх* и под). Ярких случаев “эмфатического аканья” в данной позиции не отмечено.

Исконный /e/ в этом слоге *обычно* представлен звуком [и] в глагольных окончаниях типа *нѣтягáиш*, *трĕплиш*, *вѣжнѣиш*, *заплáчыш* и *сидѣиш*, *вѣсь°хнит*, *с’нимáим*. О морфологизации [и] в этих формантах мешают говорить, однако, случаи сохранения в той или иной степени тембра исконного /e/, например, *атр’ĕ₂₂₀плĕм₆₃*, *шчĕшэм*. Оставляем при этом без анализа реализации окончаний, содержащих [й], типа *хто как назывáет /*, *нѣмакá°йт* и *выгарá°йт /*, поскольку это особая проблема. В остальных случаях [и] также является обычным, ср.: *кáмин’*, *пáрин’*, *сĕрип*, *нĕмиц*, *úзил*, *пĕтил*, *дĕсид’ д’ней*, *на кóних*, *чĕ₈₇рис₇₅хóдит /*, *атрĕд жсжыгáтилий /*, *дĕник*, *мĕсиц*, *тысѣц*, *вóсимдисит*, *калóдиц* — но *калóдĕц*.

В остальных заударных слабых слогах [ъ] < /o a/ и [и] < /e/ также абсолютно преобладают, но в интонационно сильных слогах здесь нередко встречается заударное “эмфатическое аканье” и сохранение тембра [e]:

канĕцкa₅₇яa₈₂, *катóраc₅₂яa ↑*, *вѣ₁₄₃трĕ₁₀₆пa₈₃ли*, *навĕшана*, *с сóн-цѣм нáравни /* ‘с восходом солнца’, *стаф нарĕжĕна /* ‘став (ткацкий станок) снаряжен’;

пéпилу, мáс'лина, мáс'линица, / к óзиру с'визём / — но / *ó₁₅₉сѣ₆₈ра[†]* блиска / (именно *óсера*, не *óзера*), *мэрили, с'мэрили, с'мэрина, сэи-ли* — но *видзѣла*, (лен) *вицѣгли*. В единичных случаях [е] в мягких слогах реализуется как а-образный звук (*пáлкá пa₆₃стá₁₂₂вл'á₆₁на[†], к óз'ару*), что дает основание говорить о принципиальной допустимости “эмфатического яканья” в данной позиции. Исконное [’а] в этой позиции также представлено звуком [и] — *пóисъм ‘поясом’*.

Гласный [ы] здесь также реализуется как [ъ], причем [ъ] < /а о/ нередко может иметь ы-оттенок: *тó₁₆₂чъ^а₈₅ва₁₇₉[†]* ‘вытканное полотно’, *дзявѣтыва*.

Наконец, во всех слабых заударных слогах оттенок тембра гласного очень часто бывает обусловленным фонетическим окружением. Это явление будет рассмотрено в отдельной работе.

Основной целью нашего анализа было как можно наглядней показать наиболее важную для нас особенность поведения исконного /е/ в слабых безударных слогах после мягких согласных, состоящую в том, что в интонационно благоприятных условиях оно может сохранять тембр, в то время как усиление [ъ] < исконных /о а/ в твердых слогах дает акающее произношение. Это обстоятельство дает основание утверждать, что переход исконного /е/ > [и] в слабых безударных слогах не является завершенным, в то время как качественная редукция исконных /о а/ > [ъ] завершена, и результаты “прояснения” [ъ] > [а] в аналогичных интонационных условиях со всей очевидностью подчинены системе аканья.

Гласные свободного безударного слога

Правила реализации гласных в этой позиции являются довольно сложными, они включают как фонетические, так и морфонетические ограничения, и у меня нет уверенности в том, что все они перечислены далее, а отмеченные — иллюстрируются достаточным количеством примеров; кроме того, анализ некоторых из них потребовал бы специальных разысканий.

Исходным вариантом этимологических /о а/ (т.е. наиболее частым, выступающим в фонетически независимых позициях и в словах с нейтральной интонацией) в данной позиции является [а], т.е. здесь наблюдается собственно аканье.

В абсолютном конце слова (обычно под нисходящей интонацией) [а] обычно является очень длительным и негомогенным качественно, заканчиваясь длительным отрезком э-звучания. По этой причине [а] в данной позиции является более узким (типа [а̣]), произносимым как будто с е-оттенком, например, *ц'é₁₈р'квq₂₀₁[†], видъ^овълq₁₆₄[†]*.

Перед согласным последующего слога конечное [а] заметно сокращается и может редуцироваться до [ъ]: / *разрушьна ббыла /, ско́л'ка_вот, приде́льнь_ф снава́л'ню*. При этом на его качество оказывают заметное влияние как окружающие его гласные, так и согласные, ср., например, *харо́шь' ц'ёр'квѣ' в' вир'хо́линѣх* 'хорошая церковь в Верхолине', где оттенок [ʔ] в слове *харо́шь'* обусловлен последующим ударным [е], оттенок [ы] в слове 'церква' — последующим предударным [и]. Таких примеров можно привести очень много, и они свидетельствуют, во-первых, о тесном примыкании последующего согласного на стыке слов, а во-вторых, вообще, о развитой системе сандхи в данной позиции. Разумеется, эти явления нуждаются в специальном анализе.

Для нас сейчас важно обратить внимание на значительную асимметрию в реализации этимологических /о а/ в свободном безударном слоге по сравнению с реализацией этимологического /е/, которое в одних морфологических формантах реализуется как [и], а в других — как [е], причем только в последнем случае возможно факультативное яканье.

В наречиях /е/ последовательно представлено гласными [и] и [ы] (после твердых согласных), например: *пъхсладнѣи, з бѣрду блі́жы, пабо́л'шы, прѣ́жди* 'сначала', *взят' нѣ́гди, по́с'ли пъхаро́н* и т.д.

В им. пад. мн. числа прилагательных также зафиксировано только [и]: *лапа́ты хлѣ́бныи, хлѣ́бы бал'шыи, кру́глыи, з'дѣ́льньи, ста́рыи лю́ди* и под. Не исключено, что в обеих морфологических категориях [и] < /е/ морфологизовано, как, возможно, и в пред. пад. ед. числа прилагательных с мягкой основой (типа *в ле́т'ний вады́*).

В им. и вин. падежах существительных среднего рода /е/ сохраняется, ср.: / *и у нас тако́йе го́ре /, / кла́дбишчэ_зайѣ́жжънь'_фс'о /, падо́н'ѣе* 'особый стог сена (адо́нье в других говорах)', *нъ гуля́н'ѣе, / зало́фка ф по́л'ѣ_хаді́ла /, / ф по́ле где хаді́ла /* (ср. *се́рца, се́на, пис'мо́ прі́слъна*). В одном случае зафиксировано *по́лѣ_чы́стэе*, но нет уверенности в том, что это след заударного ёканья, а не влияние сандхи.

После [й] (независимо от его сохранения или выпадения) /е/ сохраняется в окончаниях прилагательных и глаголов, например: *мад'_дѣ́лайе*, (хлеб) *зъча́рс'нѣ́йе* 'зачерствеет', *сумѣ́йе скрути́т'*, *би́л'йо́ з'дѣ́тэе, казе́нье, съма́тка́нье ббыла, ни дъраго́йе, сыро́йе ано там* (тесто).

Наконец, в окончании 3-го л. ед. числа [и] на месте /и/ является обычным под нейтральной интонацией, например, *чы́ста бу́ди так, ано вы́ъхни* 'оно высохнет', *зъста́ви* 'заставит'; в интонационно более сильных позициях на месте его может произноситься [е]: *пъса́де*

'посадит', / зьста́вѣ хлѣбы мяси́т' /, / хто пѣстано́вѣ патпóры /, / при́йде́ сын /; и как [а]: / ате́ц схó₁₅₀дя₁₂₇† / вѣ́тъ^чшишѣ† /, которые, кажется, являются эмфатическими вариантами /и/ в данном случае.

Исконное /'а/ в рассматриваемой позиции сохраняется, например, *врэ́мя, йѣс'тя, йѣс'тят* 'есть'.

Единственной оказалась форма *дво́йа (оста́лися)* 'двое остались', и потому в настоящее время трудно интерпретировать природу ее окончания.

Данные о распространении бельской системы предупредного вокализма

Говор д. Градищи⁸

Для данного говора характерно последовательное сильное аканье (что избавляет нас от необходимости его иллюстрировать специально) и последовательное яканье в слогах перед последующими ударными гласными верхнего подъема и [á], например:

в бирязу́, с'ця́ли́ли, пъя́жы́т, пиря́жы́ли, мяшкí, с'ця́ны́, пяклí, зямлí, зямлю́, вясну́, пячы́, к'а'пны́;

двяна́цэт', ця́гали, сця́бали, уя́жджа́ли, сям'йа́, ня зна́ю, ряба́т, стага́ мятáли, зямля́, вяза́ли, бярдá.

В текстах отмечен единственный случай сохранения [е] перед [á]: / читвер'ця́ ста́рыи были /.

В предупредных слогах перед последующими ударными [é ó] отмечено [и] почти без исключений:

циле́ги (неск.), винѣра, / вяза́да винѣ́ры́ нъзыва́л /, йечме́ня, в дире́вни (неск.), в вѣскрисѣ́н^че, нидѣ́лю, мише́чэк, тибѣ́, дири́вѣн'с'ких, виз'де́, д'цице́й;

йивó, лён убирѣ́т, ф сирѣ́тки, сил'цо́ (деревня за Середкой), с'никѣ́ш, видро́, ни по́мню, дило́в мно́га; зирно, з' бирѣ́зы, кипóф, вирѣ́вь^ч-ки, с'нитóк, пишкóм, събирѣ́мся, с'викро́фка, бирѣ́ш сибѣ́, пискóм, винкóф, зилѣ́нин'кии, рѣс'цвице́, висѣ́лъя, с'визѣ́т, принисѣ́м, истóнии (неск.), сирибро́м.

В четырех случаях зафиксировано яканье в указанной позиции: *зямлѣ́й (М.), сям'йóй, нѣпр'адѣ́м, с'а́бе на́да (Н.Б.).*

При прослушивании текстов сложилось впечатление, что в этом говоре наблюдается довольно яркая эмфатическая олофония, однако это впечатление не проверялось специально.

В остальных безударных слогах особенности реализации гласных, видимо, не отличаются от системы реализаций, характерных для говора дд. Трети и Большие Васцы.

Дд. Малая Толбица и Велико Поле⁹

Для говора этих деревень характерно сильное аканье, как это и указано на карте 1 ДАРЯ, а также яканье в слогах перед [й ы ў] и [á] с единичными отклонениями, напр., *кефца́* наряду с *кяфца́*, *сер'ны́*, *сер'на́м* (М.Т.Т.), *виза́ли* 'вязали', / *с'цели́ли*, *бля́лили* *нъ с'ня́гу* / (как видим, три последние слова были произнесены подряд), *деся́ткъм* (А.Х.). Не исключено, что большинство перечисленных примеров могут свидетельствовать о желании информаторов избежать яканья, но полной уверенности в этом нет, поскольку отклонения от яканья характерны и для речи А.Х. Все информаторы слово 'пятьдесят' произносят как *пидиса́т*.

Частица 'не' с дополнительным ударением может быть произнесена как *не_пря́ли* (ср. обычные *ня_бу́ду*, *ня_на́да* и под.); возможно, аналогичным образом могут произноситься и приставки, ср. *безгра́матиг'а'*.

Непоследовательно произносится гласный в предударном слоге в слове 'меня'; например, в речи А.Х. зафиксировано: / *как ми́ня де́ти паи́ли* /, / *мяа ш'ес' рябёнк'ф . б'ила* /, *был у меня́*, / *ани́ ни в м'а́ня* / в *м'эня́ уж'е́* /.

В слогах перед последующими ударными [é ó] абсолютно преобладает [и]:

ниде́ли, *ниве́стка*, *ниве́ста* (неск.), *дире́вни* (неск.) — в *диравня́х*, *з' дириве́н'*, *дириве́н'с'к'я дура*, *диде́й*, *типéр'*, *киве́чка* — *кяфца́*, *ниме́цкий*, *бис_хле́ба* — *бяз глас*, / *пир'де́т' на́ч'ли* /, *сибе́* (неск.); *нъ кряста́х* 'на перекрестье дорог (нередко там гадали)', *пирикре́с'цица* — *пирямáжсут*, *пирикре́с'цю́ца* — *два кряста́*, *зиме́л'к'ы* — *зямля́*, *зямлю́*, *з' зямли́*, *нъ'бинне́й* 'победней', *нъциплéй*, *ни ве́рют*, *ни ве́рили* — *ня ври́*, *жыле́зн'ы́*, *нъ цилéг'х*, *тилéшка*, *литéла*, *пэлитéл* — *лята́т'*, *вирте́ли*, *ни с'ме́иш*, *биз мисте́чка*, *разриши́зня*, (никаких) *дикре́т'ф* (не знали) 'декретных отпусков', *тибе́*, *сибе́*, *тирпéла*;

с'визéм, *с'визéт* — *вяду́т*, *нъдирéт*, *ни по́мню*, *ни плóха* — *ня бу́ди*, *с' звиздо́й* (ходили по деревне в Святки) — *з'вядо́а*, *грибе́нку*, *лино́к*, *питéльчка*, *з' вирéв'чку*, *нъ вирéфки*, *кисилéк*, *мишо́к* — в *мяшки́*, *бриве́шка* 'бревнышко', *талкли́ пистóм* 'пестом', *сило́*, *висно́й* — *вясна́*, *с'пикéм*, *с'пикéш* — *п'яклá*, *дишо́вый*, *нисé*, *абнисéм*, *абнисён ф кучку*, *ч'итвэ́рт'му*, *ч'ит'вэ́рт'ый*, *бисо́ф* 'бесов', *ат вирхо́лина*, *сид'мо́ва*, *фпирéт паски* 'перед Пасхой', *взат впирéт*, *ни очён'_дэ́лико́*, *питéльчка* 'петелька', *зирно́* — *зярни́на*, *сир'пóм*, *визéм*, *римшико́ф*, *нъ'милó*, *мужыне́к*, *р'жыство́* 'Рождество', *ни учо́ня* — *н'а гра́мьтн'я* (сказано подряд), *пичо́ры*, *нисé(т)* — *нясу́*, *силéтки*, *траву́*

убирём, събирёт, бирёш — убярúт, вирисóвыи (< верес), зьнислó, ни тóлстъй, абнисём, пиривидё, нимнóшка, дзицёнку, кълисó, каса зь-плитёна, пириводины ‘часть свадебного обряда’, дитё, типлó_была, гришнó — зь гряхи́, фсивó, у нивó, пъливóцтва ‘полеводство’.

В речи каждого информатора вместо обычного [и] в слогах перед ударным [ó] возможно также [е], например: мёшóк, с'вёкрóфка (М.Т.Т, при с'викрóфка у остальных информаторов), сёр'пóm (наряду со сир'пóm и (с) сир'пóm), шшебёры ‘лещи’, с'лётóй (наряду со с'ль-пóй, с'ль^епóй), йечмён', зёрнó и нек. др.

Слово ‘ребенок’ все информаторы произносят рябёнък, рябёнка, шес'рябёнкъф — как и рябят и т.д. В речи старших информаторов это слово нередко звучит с твердым [р]: рабёнка, рабёнък. В речи Г.В.А., окончившей 7 классов, отмечено ал'нянóйе мáсла. Иных отступлений от иканья в слогах перед последующими ударными [é ó] не наблюдается. Знаменательным является сохранение исконного [ʼа] перед [ó], о котором свидетельствует стабильное произношение всеми информаторами прядёт, прядёш, спрядём и т.д.

На основании приведенных данных можно утверждать, что предударный вокализм говоров дд. Малая Толбица–Велико Поле и Трети–Васцы в принципе идентичен: в обоих случаях сильное аканье сосуществует с яканьем в слогах перед последующими гласными [й Ы ү], [á] и иканьем в слогах перед [é ó], т.е. их предударный вокализм описывается формулами:

после твердых согласных
CaCV

после мягких согласных
С'аСй Ы ү
Си(ы)Сé ó
С'аСá.

В том и другом случае наблюдаются отступления от иканья в пользу [е]; отступлений от яканья в позициях С'аСй Ы ү и С'аСá гораздо больше, чем отступлений от [и, е] произношения в пользу яканья, причем такого рода отступления выглядят как индивидуальные явления идиолекта, а не характеристика традиционного говора. Иными словами, сочетания альтернативного яканья и иканья, которое Т.Ю. Строганова отметила в говоре д. Мельницы, здесь также не наблюдается.

Далее, для говора дд. Малой Толбицы–Велико Поле характерна плерофония предударного слога, причем случаев олофонии или гиперфонии не отмечено. Приводим для иллюстрации некоторые примеры плерофонии (замерения сделаны по лучшим образцам речи А.А. Хориной):

*ра*₁₅₉*ди*₁₄₈*лс*₈₁, *нъ*₇₂*сря*₁₄₂*ди*₁₄₆*ни*, *кя*₈₄*ны*₁₁₀, *дзя*₁₀₈*ли*₁₃₃*ли*₁₀₇*ся*₁₀₈
*ф ся*₁₂₁*м'ий*₁₇₆ *была*, *с'ля*₁₂₄*ни*₁₅₄, ср. также экспрессивный ответ на
 вопрос, ходила ли она в школу: *ни*₁₄₉ *ха*₁₄₀*ди*₁₃₇*ла*₁₃₁; как видим, пред-
 ударное [а] не превосходит по абсолютным длительностям даже по-
 следующие ударные гласные верхнего подъема;

*а*₆₀ *па*₈₂*тм*₇₇... / *ся*₇₃*м'ий*₇₄ *в нас*₉₇. *бал*₆₄*ш*₁₁₀*йе* *была* /, / *издворк*_{кф}
*ни*₆₈*да*₁₃₂*ва*₁₆₂*ли*₁ /, / *да*₁₅₈*р'об*₂₆₃*зу* *ни*₆₆*ря*₁₀₁*шли*₁₁₈ /, *чъ*₅₇*ла*₈₈*эк*₂₁₈, / *так*
*от я ся*₁₃₀*стра*_м₁₁₈*'свай*_м /, / *аст*_а*вили* *на*₁₀₄*век*₁₀₅ *с'ля*₉₇*н*_у₁₂₁₁₀ /;
 предударное [°]а является также гласным полного образования перед
 последующим ударным [á], ср., кроме приведенных выше примеров,
 также: *тя*₁₁₇*а*₂₈₆*ли*, *тря*₁₀₆*на*₃₁₁*ли*;

гласный [и] < /е/ в слоге перед [é ó] также является гласным полно-
 го образования (а не редуцированным типа [ь]), ср.:

*зи*₁₁₁*мел*₁₂₄*к*_{ый} *т*_ь₆₁ *дъ*₈₈*ра*₁₇₄*ж*_и₂₆₀*ли*₁₇₁, *зи*₈₀*м'ел*₈₁*ка*, *в эт*_ь
*ди*₁₂₀*р*_{ев}₁₅₅*ни*, *ди*₁₃₀*р*_{ев}₁₅₈*ни*, *ли*₁₁₆*н'ок*₂₂₂, *ни*₈₃*т*_е₁₈₁*л*_ь*чка*.

Что касается остальных безударных слогов, то рассматриваемый
 говор практически ничем не отличается от говора дд. Трети–Васцы,
 и по этой причине для иллюстрации его особенностей далее приво-
 дятся только самые необходимые примеры.

Во втором предударном слоге обычным является [ъ] после твердых
 и [и] после мягких согласных:

*к*_{ля}*до*_у *п*_{ели}, *р*_ъ*ж**аст*_{во}, *х*_{ра}*ш*_и, *м*_ь*ла**д*_{еш}, *д*_ъ*ра*ж*_и*ли*, *ч*_ь*ла**в*_{ек},
нъ *ч*_{ър}*да**к*_э (!), *та*_к*и**ла* *в*_{яз}_{ут} ' *нъ* *ти*_л*еш**ки*, *на*_м *п*_ъ*да**ва*_{ли}, *п*_ъ*с**я**ва*_й*ут ',
*г*_ь*р**ма**ни*_{ст};**

с *ри**ми**ш*_{ко}*ф* ... *пу*_{та} 'путо, чем привязывают било цепа (ручника)',
*пи**ри**ме*_{ли}*ш*, *д*_{ли} *д*_{ит}*ей*, *ди**ри**в*_{ен} 'с'к^на дура, бирягли.

Во втором предударном неприкрытом слоге исконное /о/ чаще все-
 го представлено гласным [у], например: *уб*_{ря}*ж*_{ат} ', *у*_{ст}*ай*_ц*а*, *у*_{ст}*а*_–
*на*_в*и*_л*ся*, *уб*_{ря}*ж*_а*й*_{ут}, *у*_т*х*_{ад}*и*_{ла}, *та*_к _ы *у*_б*ли*_{ва}*е*_ц *в*_{ес} ', *уб*_{ра}*з*_е*ц*, *у*<sub>ку_н*и*;
 после конечного гласного предшествующего слова [у] превращается
 в слоговой призвук, например, *р*_ъ*ж**аст*_{во} °*т*_{пя}*ва*_{ти}, ср. также *ноч*
 °*т*_{ст}*ай*_т. Название Елизарово произносится как *э*_{ли}*з*_а*р*_ь*ва*, либо
 как *али*_з_а*р*_ь*ва*, *али*_з_а*р*_ь*ф* *м*_{на}*ст*_ы*р* ' и *ли*_з_а*р*_ь*иф* *м*_{на}*ст*_ы*р* '. В от-
 дельных словах (видимо, лексикализованные случаи) [у] появляет-
 ся в прикрытом слоге: *п*_{рас}*или* *в* *м*_{уж}*уч*_к*а*_х, *д*_у*ру*_к*а*_м *а*_{ст}*али*_{ся},
*ку*_{шал} 'к_и. Нет достаточного количества примеров на реализацию /о/ в
 третьем предударном неприкрытом слоге, зафиксировано только
 °*п*_с*х**ля*_н*и*_к 'пасака', °*т*_с*г*_р*я*</sub>*ва*_и*ш*.

В слабых заударных слогах в абсолютном большинстве случаев также выступает [ъ] после твердых и [и] после мягких согласных:

ч-ит'вѣртѣм гаду́, чалонѣк, зѣ вирѣвѣчку, нѣ цилѣгѣх, ц-ѣр'къф, вѣч'рѣм, / дли дитей я трудилѣся / фсѣ трудилѣс'я для их /, в мисѣчку вал'йбш;

с пар'ним, дзѣцѣм, дѣсит' васкѣф 'возков, возочков', радѣтили, пѣсинка, клѣдавая вѣстрѣин, вѣрису, в ѣзира, к зѣвтриму 'назавтра, к завтрешнему дню', клѣкѣй вѣгрибиш; ня вѣйдѣш, фстѣниш, стѣкниш, пач-ѣрниш 'зачерпнешь', капѣичку.

Два явления в реализации этих слогов обращают на себя внимание: первое, очень часто предшествующие и последующие гласные могут навязывать им оттенок своего качества, например: *вѣч'рѣм, чѣртѣй лѣшкѣй, нѣвзѣли мя* 'не взяли меня', *стѣкѣ'ли, падѣшѣ'чку, ѣжѣ'нуѣют* 'ужинают', *в ден' на хлѣбу лѣтѣ'ли, кѣрѣ'чку* и др.; второе, под эмфазой в этих слогах возможно "прояснение" исконного качества гласных, например, *и вѣ₁₀₁пѣ₇₉шѣш₉₁*. Оба эти явления будут рассмотрены отдельно.

В свободном безударном слоге гласные реализуются уже известным нам по предыдущему описанию образом:

при последовательном аканьи исконное /e/ представлено гласным [и] в большинстве морфологических категорий, ср.: *фсѣ вѣмѣ'ци, быстрѣи, вкус'нѣи будит; спѣйти, прѣхадѣти; шѣрѣки, красѣвыи, вирисѣвыи* 'вересовые', *няхѣтрыи;*

в им. пад. ед. числа существительных среднего рода окончание /e/ сохраняется (*вѣлѣка пѣле, гулѣн'ѣе* — но *врѣмя*);

непоследовательно реализуется /e/ в глагольном окончании 3-го л. ед. числа, где возможны [e], [и] и [’а], например: *бѣд’е, бѣде, ня знѣе, стѣе дѣник, ня бѣди ражѣт', патѣхн'е, ѣон мѣкса плѣче, ни накѣрма, бѣдя, ѣон хѣдя;*

качество и длительность гласных в этом слоге (в том числе и [а]) варьирует в зависимости от степени примыкания к последующему слову, например, *маѣ мѣмѣ_бывѣл’_любѣла, с картѣшки навѣре_ета.*

Наконец, следует отметить, что в речи каждого из информаторов отмечены редкие случаи заударного оканья, например: *казѣл зѣделано, с'рѣд'нѣйо была хазѣйства, шоп тѣплѣ былѣа;* А.Х. совершенно четко произнесла *пѣснѣ былѣ* 'постно было', *хѣхон'ки;* как интерпретировать эти случаи, пока непонятно.

Заметки о говорах дд. Замельничье и Мало Поле

Д. Замельничье находится рядом с Елизаровым, а Мало Поле — в километре от него на восток. В Замельничье носителей традиционного говора практически уже нет; удалось записать только небольшие по объему образцы речи А. Виноградова, человека косноязычного, неразговорчивого и с плохой дикцией. Анализ показал, что в его идиолекте сохраняются несомненные следы полновской системы аканья и яканья, ср.: *чь'ловѣк, сер'п'ам, киселя, п'от'ом*; в то же время сильное аканье у него преобладает, и доминирующим является, видимо, такой же предударный вокализм, как и в говоре Малой Толбицы, о чем свидетельствуют следующие примеры: *жэ жан'ой, чал'нок; вяза'ли, сцяб'али, сяр'п'ы, п'сяля'фшыся, р'ыз'мяш'ашш* — но *бир'ѣ, с'пик'ѣш, дир'ѣвня*.

В д. Мало Поле проживают двое исконных “жыхарей”, образцы речи которых мы и записали — это Степан Иванов (1920 г. рожд., окончил 5 кл., служил в армии) и тетя Оля (1909 г. рожд., абсолютно неграмотная). Для речи обоих информаторов характерно сильное аканье, яканье в предударных слогах перед [й Ы́ Ы́] и [а́] и иканье во всех зафиксированных слогах перед последующими ударными [ѣ́ ѓ́]:

кит'обф — *кялы* ‘кепы, ничельницы’, *дир'ѣвня* (неск.), *ним'нога, с лис'обф, п'я дир'ѣв'ен'с'ки, пир'ив'ѣс, йир'ш'ова, сем дит'ѣй, сем риб'ѣр, ни тир'п'ѣла, привиз'ѣ, скатир'ѣд'к, к'ялис'об* — *н'я к'яляс'и, глид'ѣт*’. Под логическим ударением в речи тети Оли зафиксировано несколько отступлений от ожидаемого яканья: *сем'на'ц'ят' ран'ѣний, у мен'я, тел'ят*.

Для характеристики говоров указанных деревень имеющих материалы, конечно, недостаточно, но приведенные примеры важны с лингвогеографической точки зрения.

Основные выводы

Приведенные выше материалы не оставляют сомнения в том, что в рассмотренных говорах северной части Псковского района действительно функционирует система предударного вокализма, в которой сочетается

- сильное аканье в предударных слогах после твердых согласных CaCV;
- собственно яканье в предударных слогах перед гласными верхнего и нижнего подъёмов C'aC'и Ы́ Ы́/C'aC'а,
- а также иканье после мягких согласных в предударных слогах перед последующими ударными гласными среднего подъёма SiC'ѣ ѓ́, или:

после твердых согласных

CaCV

после мягких согласных

C'aCí ы́ ú

Си(ы)Cé ó

C'aCá.

Эта система значительно отличается от канонической гдовской системы безударного вокализма

$$\begin{array}{c} C^{(')}aCí ы́ ú \\ C^{(')}e,oCé \quad C^{(')}e,oC^{(')}ó \\ C^{(')}aCá, \end{array}$$

для которой а) аканье и яканье характерно только в предударных слогах перед последующими ударными гласными верхнего и нижнего подъемов, в то время как б) в слогах перед ударными гласными среднего подъема исконные /e/ и /o/ сохраняются, т.е. в данной позиции сохраняется *оканье* в терминологическом смысле этого слова.

Указанные различия являются настолько существенными, что позволяют считать описанную выше систему предударного вокализма не разновидностью канонической гдовской, а самостоятельной системой. Мы предлагаем называть ее *бельской* системой предударного (и, вообще, безударного вокализма) по названию бывшего так наз. пригорода Псковской земли XIV–XVII вв. Белый¹⁰, в современной традиции д. Бела или Белая. По всей видимости, пригород и погост Белый утратил былое значение с возвышением Елизаровского монастыря, возникшего у важной впоследствии дороги Псков–Гдов, однако вне всякого сомнения, что именно пригород Белый в прошлом был одним из самых важных населенных пунктов теперешнего ареала распространения бельской системы вокализма и, соответственно, *бельских говоров*.

Бельская система отличается также от той безымянной пока системы безударного вокализма, распространенной в северной части Гдовского района, в которой сочетается аканье-яканье по гдовской модели с иканьем-уканьем в слогах перед ударными [é ó], и которая, как уже говорилось в начале статьи, традиционно считается вариантом гдовской системы.

Есть основание полагать, что бельская система безударного вокализма распространена несколько шире, чем это показано на карте 3 ДАРЯ, где ее распространение ограничено практически территорией между пунктами 100 и 105 ДАРЯ. Прежде всего, данные Т.Ю. Строгановой, приведенные выше, позволяют утверждать, что ареал ее с запада ограничен побережьем Псковского озера. С севера и северо-

востока бельские говоры граничат с полновскими, а на востоке, возможно, на некотором протяжении — с окающими новгородскими.

Самой существенной является проблема их южной границы. Почти несомненно, что по побережью они доходят до г.п. Ершово. Далее, как уже говорилось, начинается почти сплошная зона псковских пригородных дачных участков. По-видимому, специальное обследование этой зоны может что-либо прояснить. Мы располагаем надежными данными, позволяющими утверждать, что южнее линии устье р. Великой — пункт 185 ДАРЯ (д. Патрово), т.е. в южной части Псковского района, распространена иная система предупредного вокализма, родственная с бельской (ее описанию посвящен следующий раздел работы). Учитывая это, считаем возможным полагать, что бельские говоры еще в недавнем прошлом на юге доходили почти до самого Пскова.

Генетические отношения бельской системы с канонической гдовской кажутся очевидными. Несомненно, собственно гдовская система, в которой сохраняются этимологические /e/ и /o/ в предупредных слогах перед последующими ударными [é ó], представляет собой более старое состояние, возникшее в результате распространения аканья-яканья на предупредные слоги перед последующими ударными верхнего подъема [í ỳ ú] и нижнего подъема [á]. Иными словами, в этой системе в слогах перед последующими ударными [é ó] сохраняется оканье.

Судя по известным данным, каноническая гдовская система распространена в центре ареала ее “вариантов”, т.е. более северного безымянного с уканием-иканьем и более южного, названного нами бельским. Последний, следует думать, возник в результате

- распространения аканья на все позиции
- перехода безударных /e/ /'o/ > [и] ([ы] после отвердевших шиплящих).

Альтернативное [e] вместо [и], наблюдающееся в этих говорах (в интонационно выделенных словах), указывает на то, что переход /e 'o/ > [и] ([ы]) еще не завершился до сих пор.

Относительно немногочисленные случаи отступления от яканья во всех предупредных слогах, фиксируемые в речи практически каждого информатора, указывают на то, что процесс распространения яканья на предупредные слоги перед гласными высокого и нижнего подъема также является незавершенным в этих говорах. В то же время не обнаруживается непоследовательности в реализации сильного предупредного аканья, что дает основание считать его здесь старшим по отношению к яканью.

Иными словами, можно полагать, что

- в процессе распространения аканья-яканья на территории Псковской земли к северу от Пскова сначала возникла каноническая гдовская система вокализма, которая и распространялась далее на север; это должно было произойти относительно недавно, о чем свидетельствуют отступления от яканья;

- затем здесь утвердилось сильное аканье, распространившееся до границы современных полновских говоров [Чекмонас 1998, 116–117];

- в эпоху распространения сильного аканья в гдовской системе на территории северной части современного Псковского р-на в предударных слогах перед [é ó] начался переход исконных /e/ и [’o] > [и]([ы])

C(’)e, oCé C(’)e, oC(’)ó → СиСé СиC(’)ó,

и, следовательно, сформировалась бельская система; этот переход приостановил распространение сильного яканья, поскольку даже под нажимом сильнойякающей речи замена предударного [и] (< /e/ и [’o]) на [’a] фонетически является весьма сложным процессом; сохранение исконного /e/ как экспрессивного варианта в данной позиции наряду с обычным [и] позволяет утверждать, что процесс формирования бельского иканья является незавершенным и, следовательно, его начало вряд ли уходит в далекое прошлое;

- в северной части гдовского района дальнейшее распространение яканья было приостановлено развитием иканья и уканья в слогах перед ударными [é ó].

Представляется важным обратить внимание на то, что фонетический переход предударных [e] и [’o] > [и]([ы]) в слогах перед [é ó] (бельское иканье) можно рассматривать как своего рода “диссимиляцию”, аналогичную предполагаемой “диссимиляции” предударного [a] в слогах перед ударным [á], приведшую к возникновению диссимилятивного аканья. Подобие между указанными процессами может быть только внешнее, поскольку “диссимиляция” в последовательностях *CaCá связана с сокращением предударного [a], в то время как “диссимиляция” в последовательностях C’e, oCé ó > СиСé ó вряд ли является результатом сокращения предударных /e o/. Действительно, как показывают приведенные выше данные, для бельских говоров характерна плерофония, т.е. отсутствие значительной количественной редукции предударных, что позволяет говорить о предударных как о “гласных полного образования”. Измерения показывают, что эта характеристика применима также к предударным гласным верхнего подъема — в том числе и к [и] < [e] и [’o]. В то же время переход [e] [’o] > [и] является вероятным и правдоподобным, если

предположить, что он связан с устранением олофонии и гиперфонии, ярковыраженной в более северных говорах полновского типа [Чекмонас 1998]. Иными словами, рассматриваемый переход мог быть обусловлен *частичным, относительным* сокращением предударных [e] и [’o]. Сравнение бельского предударного вокализма с северно-гдовским икающим-укающим поможет, как кажется, уточнить это предположение и, вообще, более уверенно сформулировать правдоподобную гипотезу о причинах развития бельского иканья.

При описании безударного вокализма говоров дд. Большие Васцы, Малая Толбицы и Велико Поле много внимания было уделено описанию вокализма слабых связанных безударных слогов (второго предударного и заударных, кроме заударного конечного открытого), а также слабого свободного, т.е. заударного конечного открытого. Особенности вокализма этих слогов редко привлекаются при изучении истории аканья в тех или иных ареалах. Подробную интерпретацию приведенных данных мы также оставляем пока в стороне. Особого внимания заслуживает уканье во втором предударном неприкрытом слоге (типа *убрядѣцца* ‘обрядиться, сделать необходимые домашние работы’), реализуемое в бельских говорах весьма последовательно. В некоторых словах (как, например, *угурец*) такое [y] может быть лексикализированным. Не исключено, что уканье в этой позиции, судя по распространению слов ‘огурец’ и ‘огород’ [ДАРЯ I 1986₁, карты 37 и 36], указывающих на наличие форм *угурец*, *угурод* во многих севернорусских говорах, в северной части Псковщины возникло еще до распространения в ней аканья. В любом случае наличие его в акающих и якающих говорах Псковщины кажется важным для понимания истории их формирования.

Загадочными остаются пока редкие случаи оканья в заударных слогах, отмеченные в бельских говорах, том числе и в позиции, характерной для системы неполного аканья.

Наконец, хотелось бы подчеркнуть два обстоятельства. Первое, нами не было обнаружено даже единичных случаев диссимилятивного аканья в бельских говорах, и даже намеков на такой тип аканья. Наоборот, в этих говорах весьма выразительной является плерофония [a] как при аканьи, так и при яканьи — причем не только перед ударными гласными верхнего подъема, но и перед ударным [á]. Второе, загадочным остается факт фиксации Т.Ю. Строгановой альтернативного *яканья* и *иканья* в слогах перед ударным [’’b] в говоре д. Мельницы (см. начало статьи). Такую ситуацию можно было бы ожидать на пограничье бельских говоров и сильноакающих говоров. В то же время очевидно, что к югу от д. Мельницы распространены

именно бельские говоры, в которых ничего подобного не наблюдается и в которых зафиксированы отступления от яканья, о чем уже говорилось. В говоре д. Грядищи, расположенной совсем рядом с Середкой и всего в нескольких километрах от д. Мельницы, ничего подобного не наблюдается даже в речи молодого поколения. Исходя из этих наблюдений, данные Т.Ю. Строгановой о говоре д. Мельницы, на основании которых ею сделано заключение о распространении в данном ареале сильного яканья, не кажутся надежными и нуждаются в дополнительной проверке.

2. ТЕШЕВИЦКАЯ СИСТЕМА ПРЕДУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА

Особенности предударного вокализма говора д. Тешевицы

Д. Тешевицы (*Чёшьвицы* в произношении одного из информаторов) Новоизборского с/с Печорского района, расположена в 20 км к западу от Пскова у шоссе Псков–Рига. Напротив через дорогу от нее находится д. Плесок, которая в настоящее время считается частью Тешевиц¹¹.

Качественные, разнообразные по содержанию и большие по объему магнитофонные записи содержат аутентичный материал для описания данного говора, во всех отношениях являющегося типичным для всей завеличской части Псковского района до Изборска. Судя по картам 1 и 3 ДАРЯ I [1986], д. Тешевицы, как Псковский и Печорский районы в целом, находится в зоне *сильного аканья и яканья*. Анализ записанных материалов показывает, однако, что для говора д. Тешевицы характерно *собственно аканье и яканье во всех слогах, кроме слога перед последующим ударным [é], в котором при последовательном аканьи после твердых согласных, после мягких наблюдается не яканье, а иканье*.

Так, наряду с огромным количеством примеров типа *барáн* — *сястрá*, *казлы́* — *сястрѝ́*, *снапóк* — *с' сястрóй*, а также *паéхъли*, *ни балéли*, *згарéла*, *малéнняя* 'молебен' и т.д., свидетельствующих о сильном аканьи и яканьи в слогах перед последующими ударными [й Ы ў ó á], в текстах зафиксированы следующие примеры:

дирéвня — *дирявнѝ́*, *нидѝ́ля* (неск. и в различных формах типа *нидѝ́лю*, *нидѝ́л'* и т.д.), *въскрисѝ́н'йе* (неск.), *въз'нисѝ́н'йе*, *нивѝ́стка*, *нивѝ́ста*, *типѝ́р'*, *тибѝ́*, *минѝ́* — *мянѝ́*, *сибѝ́*, *дитѝ́й*, *сир'гѝ́й* (имя собст., неск.), *бирѝ́ч*, *жылѝ́зный*, *нѝ́ тилѝ́ги* (неск.), *пѝ́глидѝ́ла*, *пѝ́глидѝ́т'*, *пѝ́билѝ́ла*, *пѝ́сидѝ́ла*, *звирѝ́й*, *мид'вѝ́д'*, *дишѝ́вали* — *дьяшѝ́вый*, *вирѝ́тели*, *пѝ́литѝ́ли* (неск.) — *лятáл*, *нѝ́литѝ́л* (*тапóр на сук*), *ни пѝ́мирѝ́т'*, *бисѝ́ду бисѝ́-*

дъвѣт'. Исключения составили два случая — *прилятѣл* (наряду с *прилитѣли* и под.), *пиряѣли*. Характерно, что словоформу 'в беде' информант повторила за мной как *в бидѣ* (наряду с *б'едѣ*) при норме для данного говора *в бядѣ*. В рассказах А.А. Пучковой отмечены *нъ жыліэза* (неск.), *литѣла*, *пъгидѣл*, *нивѣсту*, *висѣл'ѣе*, *пирѣже* 'прежде' (во фразе / *паса́дют пирѣже пайі́с'т' /*), *ниме́цкій*.

Соотношение С'иСѣ — С'аСй ы́ у́ о́ представляет собой основной принцип яканья, реализуемый обычно, в большинстве случаев, однако реальная картина, с учетом редких или спорадических реализаций, оказывается намного более сложной.

Прежде всего, в речи нашего информатора в предупредных слогах перед последующим [ѣ] зафиксировано не только [и], но также и [е]:

менѣ, *убведзѣ* 'обведет', *прилетѣл свѣтът'* (но *улитѣла*), *предѣ* 'прядет' (или *пр'едѣ*, не могу решить, но четко *прядѣш*); часто повторяемое *интерѣсна* может быть 'городским' словом, но оно демонстрирует саму возможность реализации [е] в данной позиции.

Далее, наряду с преобладающей реализациями типа С'аСб, например: *в узялѣк*, *пяхкѣм*, *такѣ мѣлен'ка бярѣтка* 'бердышко', *прядѣ*, *в'вядрѣ* и т.д., отмечено немало случаев [е] и [ѣ] в данной позиции, ср.: *пр'инесѣ*, *нес'убиш*, *на верѣх*, *сестѣр*, *ведзѣ*, *пр'ивезѣм*, *уперѣт*, *нъ скатерѣтку насы́плют*, а также *нъп'экѣм*, *пън'есѣш*, *съб'ерѣнца* (и *събярѣнца*), *л'епѣшкы*, *л'епѣхы*, *фсѣ нипѣр'ав'езѣш*. Не исключено, что произношение [е] или [ѣ] в этой позиции связано с сильным ударением или эмфазой, как об этом наглядно свидетельствует следующий случай: / и б'ε₁₃₃зѣм₁₅₂ бя₁₆₇жсѣ₃₀₀ /.

Весьма знаменательно, что в речи нашего основного информатора в целом ряде случаев в предупредном слоге перед последующим ударным [á] прозвучало не [а], а широкое [ε] (либо [э]): *в'эсна́*, *в'эсна́* (несколько реализаций), *р'ебѣты*, а с'с'енна́ (но четко *ф сянно́*) 'Сенно (назв. деревни)', *пл'емѣнник*, *м'енѣнца*, а также *нъ семѣны* (!). Без дополнительного исследования это явление трудно квалифицировать, но не исключено, что оно свидетельствует о том, что в данном говоре еще весьма недавно функционировал предупредный вокализм полнового типа.

Наконец, самым непонятным и загадочным является то, что отсутствие выразительного яканья отмечено и в редких случаях перед ударными гласными верхнего подъема, как, например, *хлеп п'ε'клѣ*, *прив'ез'лѣ*, *тр'ес'лѣс*, и даже *ме₁₀₄сѣт'₇₇ хлебы*, *пр'инес'тѣ*, *пр'едѣ*, *вез'лѣ*, *пеклѣ*. Ясно только, что говоры в данном ареале нуждаются в самом серьезном внимании, поскольку может оказаться, что приведенные примеры не случайны и указывают на то, что вообще яканье здесь сформировалось относительно поздно.

Что же касается иканья, то приведенные выше примеры с [и] в слоге перед [é], записанные в говоре д. Тешевицы¹², можно разбить на три группы, именно:

на слова, которые с большой вероятностью могут заимствовать иканье из литературной речи или в которых иканье может быть лексикализованным — *дирéвня, нидéля, вьскрисéн 'йе, вьз'нисéн 'йе, нивéстка, нивéста*;

слова, в которых икающее произношение возможно вследствие того, что они в предложении обычно являются слабуударными либо неударными — *тибé, минé, сибé, тинéр'*;

все остальные, в которых наряду с [и] из /e/ после мягких согласных (обычная позиция) зафиксировано также [ы] из /e/ в слове *жылезный*.

Во всех случаях не считаем проявлением фонетического иканья произношение [и] в словоформах типа *сидéт', сидéл(а)* и под., поскольку [и] здесь, как кажется, в псковских говорах является лексикализованным.

Выделение этих групп слов необходимо для того, чтобы более надежно квалифицировать вид предупредительного вокализма в отдельных говорах. Так, если известно, что в каком-либо говоре наблюдается иканье только в словах второй группы, являющихся своего рода фонетическими клитиками, то при отсутствии дополнительных сведений (что вполне возможно, если данное явление не исследовалось специально) вряд ли можно делать какие-либо выводы об аналогичном поведении /e/ в других словах.

Слова первой группы, в которых предупредительное [и] может отражать и влияние литературного произношения, и быть лексикализованными заимствованиями из других говоров, также не могут быть достаточными для этой же цели сами по себе, однако их наличие в говоре всегда достойно пристального внимания. Если же в говоре [e] отмечается в первой и второй группах слов, то это может быть свидетельством отсутствия яканья в данной позиции. Самым же надежным показателем этого явления считаем его наличие в бытовой лексике говора.

Что касается конкретно говора д. Тешевицы, то приведенных примеров кажется вполне достаточным для того, чтобы утверждать, что иканье здесь обусловлено именно [é] в последующем ударном слоге, а не мягкостью последующего согласного, поскольку ['а] из /e/ отмечено в предупредительных слогах как перед твердыми согласными (типа *с'мятáна, сярнóм*), так и перед мягкими согласными (напр., *сям 'йў, рябёнка, вярёфка* и т.д.). Поскольку данная система яканья

С'аСй Ы́ у́
 СиСé С'аСó
 С'аСá,

функционирующая наряду с последовательным сильным аканьем (т.е. аканьем во всех предударных слогах независимо от качества следующего ударного гласного), не была зафиксирована ранее, и так случилось, что она была впервые замечена и описана нами именно на материале записей из Тешевиц, то считаем возможным назвать ее *тешевицкой* системой, или, сокращенно — *тешевицким* иканьем, характеризующимся *сильным (недиссимилиативным) аканьем и яканьем во всех предударных слогах, кроме слога перед последующим ударным [é]*. Говоры, для которых характерно тешевицкое иканье, называем, соответственно, тешевицкими.

Как показывает анализ имеющихся у нас магнитофонных записей, говор д. Тешевиц является не единственным в своем роде, но тешевицкое иканье характерно для говоров всей южной части псковского района (см. карту 3); далее же к югу от него распространены собственно сильноакаяющие-сильноякаяющие говоры, в которых все контрольные слова с исконным предударным /e/ были зафиксированы в якающем оформлении.

Изборский ареал

Нынешняя д. Изборск (или Старый Изборск) всегда был культурным и торговым центром для всех окружающих его деревень. Жители Изборска, по словам одной из наших информанток, *българодилис'* во всех отношениях, старались говорить более *грамътна* и на памяти самых старших жителей не только родители современных изборян, но также их дедушки и бабушки уже не *гъварили на цэ*, т.е. не цокали. Не исключено, что традиционная речь исконных изборян может отличаться от речи жителей окружающих деревень и в иных отношениях. По этой причине, говоря об изборском (микро)ареале, мы не имеем в виду сам Изборск, изучение особенностей некогда "посадской", а теперь "полугородской" речи которого можно считать особой задачей.

Мы располагаем магнитофонными записями из дд. Верхний и Нижний Крупск, расположенных буквально рядом с Изборском (для постороннего глаза эти деревни кажутся просто его частью), а также д. Васцы, расположенной в километре к северу от Изборска. Записи содержат образцы речи пяти информаторов-женщин, самая молодая из которых — 1915 года рожд. Анализ показывает, что говор дд. Верхний и Нижний Крупск несколько отличается (по морфологическим формам) от говора д. Васцы, но все они относятся к одну и тому же сильноокающему типу, для которого характерно яканье во всех предударных слогах, кроме слога перед ударным [é]. По указанным выше причинам, примеры, отражающие это явление, только незначительно отличаются от тех, на основании которых выше была охарактеризована тешевицкая система предупредного вокализма. Приводим примеры из наших околоизборских записей полностью:

дзицѣй (неск.) — *з' дзяця́м, симѣйный стол — сям'йа́* (неск.), (ткали) *ф пят' кепѣй* 'кепов' — *кяпы́, кяпо́ф, дирѣвня* (неск.) — *диравня́* (неск.), *в диравнѣх, тилѣгу* (неск.), (приехал с) *зымлимѣрѣм, жыльѣзный* (неск.) *йшишык, пѣцижѣл'шы, не пѣмирѣт', бривѣнчѣстѣя харбмина, нивѣсту* (неск.), *нивѣсты, нивѣстины падушки, нивѣсты дар'йб* 'невестины подарки (родным)', *нидѣлю* (неск.), *пѣнидѣл'ник, типер'* (неск.), *цибѣ, сибѣ*.

Чередование типа *дзицѣй* — *дзяця́м, симѣйный* — *сям'йа́, кепѣй* — *кяпо́ф, кяпы́*, последовательное яканье во всех позициях, кроме слога перед ударным [é], яканье даже в словах типа *ряшьѣли, рябѣнѣк*, которые часто встречаются в литературной речи (в икающем оформлении); наконец, аутентичные контексты с рассказами о традиционной материальной и духовной культуре, в которых были зафик-

сированы слова с иканьем перед ударным [é] — все это делает очень маловероятным предположение о том, что позиционное иканье и в данном случае является следствием литературного влияния.

Наконец, сам факт существования определенного набора слов с предупредным [и] (*дирéвня, нидéля, понидéл'ник, нивéста*), составляющих ядро списков из говора д. Тешевицы и подыборских говоров, которые, как видим, оказываются довольно широко распространенными, заслуживает внимания сам по себе. Кажется маловероятным, чтобы одни и те же слова подчинились правилам литературного произношения в говорах, непосредственно не контактирующих. Если же все-таки настаивать на идее фонетического олитературирования этих слов, то само их наличие даже только в говорах между Псковом и Изборском должно свидетельствовать, что это фонетическое явление не может быть совершенно новым явлением, оно должно распространяться из какого-то эпицентра. В противном случае пришлось бы допустить, что именно одни и те же слова независимо подверглись одинаковой фонетической модификации в различных говорах, что кажется маловероятным.

К северо-востоку от Пскова (д. Подборовье)

Д. Подборовье Торошинского с/с Псковского района расположена в 20 км от Пскова у шоссе Псков–Санкт-Петербург. Традиционно она является одним из населенных пунктов местности около Торошино, называемой Кляпы. Центром была некогда большая деревня Патрово, в которой в 1992 году проживало три исконных жителя и только одного из них — тетю Ньюшу (1916 г. рожд.) — можно было считать носителем говора; к сожалению, самым частым ее ответом на мои расспросы было *ня помню*. Ранее Патрово было обследовано по программе ДАРЯ (пункт 185)¹³.

Для речи всех информаторов характерно удостоверенное большим количеством примеров сильное аканье и последовательное яканье во всех предупредных слогах, кроме слога перед последующим ударным [é]; в последней позиции отмечено иканье в словах, большинство из которых нам уже знакомы из предшествующего изложения:

нъ дирéвни съ звяздám хадíли, диревниá (неск.) и даже диревén' — дирявниá (И.Х.), въскрисén'яа, иьчмэн', сем нидéл', яйца пóлную нидéлю катáли, с' нидéл'ку, жылэзную дарóгу, прилитéл (неск.), нимéцких пулямéтьф, тирьрэзэли, типéр' и тепéр' (тетя М.), үаспóт' тирпéл и мне вилéл, вот цибé.

Д. Большие Васцы, для говора которой характерна бельская система, находится в 20 км к северо-западу по прямой от д. Подборовье. В связи с этим кажется совсем не случайным, что в описываемом говоре даже в ограниченном количестве примеров с исконным предударным /e/ перед [é] находим отдельные случаи его сохранения в данной позиции, которые и можно рассматривать, по всей видимости, как реликты бельской системы предударного вокализма.

К северу от Пскова (д. Муровицы)

Основным информатором в д. Муровицы Псковичского с/с Псковского р-на (расположенной в 10 км на северо-запад от Пскова), была Т.И. Кириллова¹⁴. Хотя она малограмотная (окончила 3 класса), не исключено, что на ее речь влияло литературное произношение. Об этом свидетельствует, например, форма *нъ брявнѣ* (вместо обычного для говора *нъ брявнѣи*), а форма *брѣвнѣ*, встретившаяся в ее речи наряду с *брявнѣ* (неск.), может быть гипернормализмом. Влияние литературного произношения могло сказаться и в том, что предударные слоги в речи Т.И. во многих случаях являются довольно краткими.

Это влияние не затронуло, однако, сильного аканья и последовательного яканья в слогах перед ударными гласными верхнего подъема и [á]: *хлявѣ́, нял'зѣ́, сирядѣ́ны, ряднѣ́* 'одежда из грубой ткани', *сястрѣ́, вярнѣ́лися*. В последней позиции, т.е. перед ударным [á], в ее монологах, кроме собственно яканья, зафиксировано также *клетѣ́ / кл'етѣ́, гр'эбнѣ́м, тр'эпѣ́ла — тряпѣ́лѣм трѣ́плиш, к'епѣ́, прислуг держѣ́т', менѣ́, с'мену белѣ́а — навѣ́хла бял'йѣ́, на скатѣ́р'тѣ́, сименѣ́_та, симѣ́на*. Нет полной уверенности в том, что приведенные отклонения от четкого яканья представляют собой реликты полновского яканья, а не обусловлены подражанием "культурному" произношению.

В слогах перед последующим [ó] для речи информанта также характерно яканье:

зѣ́ ряко́й, вяжсѣ́ тянѣ́ты, пляшко́м, брявнѣ́, нямнѣ́ога, б'ерѣ́т, бяре́ш, зьявѣ́дѣ́ш, абд'ярѣ́ш, фся́о, привязѣ́ны, пиряшо́л в сля'но́, бял'йѣ́о, ско́л'ки усяво́, н'амно́шка; в одном случае она произнесла *в'эрѣ́фка*.

В первом предударном слоге в позиции перед ударным [é] у нее отмечено не *з'дѣ́с', менѣ́, не фсѣ́, ни сѣ́л на дно, висѣ́нная Никѣ́ла, па диривѣ́н'с'ки, дирѣ́вню* (неск.) — *в дирявнѣ́х, пѣ́сирѣ́и* (говорили) наряду с *нямѣ́цкии*.

Для другого информатора из этой же деревни¹⁵ также характерно последовательное яканье во всех позициях, кроме слогов перед удар-

ным [é]: *ни умира́т', аді́у недéлю* (неск.), *дирéвню* (неск.) — *дирявня́, въскриси́н ѿе, тибé* — *нъ т'еб́я, виз'дé, нъ пирийéз'ди* — *пиряж́ьла* наряду с *бъл'естéи* и четкое *плярéнник*. Обычно информатор сильно акает, но в то же время в ее монологах встретилось несколько случаев несомненного оканья: *токо́й, бь'рови́к, хь'рошо́, малокá, проця́нит дь'ро́шкэм*. Причина этого (реликтового полновского?) оканья пока непонятна.

Без дополнительного обследования трудно утверждать с полной уверенностью, что в говоре д. Муровицы собственно яканье перед последующим ударным [é] отсутствует и, следовательно, здесь функционирует тешевицкая система вокализма. В то же время кажется важным, что здесь все же зафиксированы несомненные случаи иканья и сканья в данной позиции. Дальнейшее исследование покажет, свидетельствуют ли эти случаи о том, что оно характерно для традиционного говора деревни, или о том, что тешевицкое иканье является здесь пережиточным явлением, сохранившимся в лексикализованном виде.

К юго-западу от Пскова (д. Кузнецово-Выдро-Лапино)

Деревня со сложным названием Кузнецово-Выдро-Лапино Тямшанского с/с расположена на левом берегу р. Великой в 10 км на юго-восток от Пскова¹⁶. Как показал анализ магнитофонных записей, сильное яканье в речи нашего информатора является непоследовательным, поскольку в целом ряде случаев в первом предупредительном слоге перед последующим [é] он произносил [и], например:

нъ сибé, он тибé с'мéле, тибé, виз'дé, дирéвни (неск.), *дирéвня нъ бирягú*, а также *нъ римéн' идé, тич'éние*, наряду с:

дз'арéвни, нъ ц'слéгу, ну как цялéшка з'дéльн, нъ цялэгъх ѿéз'дили, чарвэй, ячмéн', пирядéльвъли, пирядéльна.

По причинам, упоминавшимся рáнее, материал для характеристики интересующей нас позиции оказался явно недостаточным. Примеры иканья в данном случае могут отражать влияние городской литературной речи, поскольку они представлены фонетическими клитиками, словом *виздé*, вполне могущим быть литературным по происхождению в говоре, а также тремя словами, которые можно рассматривать как культурные слова. Слова с яканьем в предупредительной позиции перед [é] являются в этом отношении более аутентичными, а яканье в таких явно казенных словах как *при рьзряши́энии, нъ рьзряши́энию* можно принять как свидетельство того, что сильное яканье является в этом говоре доминирующим.

К проблеме сильного яканья в говорах северной части Псковщины

В ходе анализа записей, рассмотренных выше, возникло подозрение, что основной набор слов с иканьем (*нидэля, пьнидэльнык, дирэвня, нивэста, нивэстка, ципэр'*, не говоря уже о формах *тибэ, сибэ*) известен либо в большинстве сильнойякающих говоров Псковщины, либо на всей территории сильного яканья, и таким образом, он не составляет специфики какого-либо определенного ареала. Факты, приводимые далее, показывают, что такое предположение является неверным.

В говоре д. Полены (Палкинского с/с Палкинского района) отмечено *зэ д'ярэвний, д'ярэв'ню* (неск.) и другие формы этого слова без исключений, *цяпэр* (неск.), *кряшч'энийе, сем нядэл'* (и другие формы слова *нядэля* без исключений), *ня рэжсу* — ср. *ня помню, вóз'ли жалэзньй дарóги, ф пумяшчэнии, цябэ* при практически последовательном яканьи во всех остальных слогах как перед твердыми, так и перед мягкими согласными, например: *н'вязэ, рош убярэш* (как и в *прядём* с исконным ['а]), *мяцёлк'ьй, някём, сялётки, сярётку, н'вярэв'чку, рякú* и т.д.¹⁷ Только в речи информатора-мужчины встретилось / *сэр'пом' ж'áli* / под эмфазой и *п'раз'ник пристól' 'ный* наряду с *три пр'ястóла* в том же самом отрезке речи.

Материалы говора д. Ореховичи (Москвинского с/с Псковского района)¹⁸ также дают основание квалифицировать его как последовательно сильнойякающий, ср. яканье в слоге перед последующим ударным [é]: *три нявэстки, п'нядэл'на, христóс нябэс, сем нядэл' пост вяликий, фсю нядэлю другóй рас* (яйца) *катáli, н'катáйе мнóга йайэд другóй, д'ярэвню* (и многократно — другие формы этого слова с ['а]), *пир'яйэх'ли*. В речи самого старшего информатора при обычном для нее *цяпэр'* отмечен один случай произнесения *ципэр'*, а также *тибэ* и *мэс'или* при последовательном яканьи во всех остальных случаях.

В записях из д. Мелётово (Большезагорского с/с Псковского р-на) и соседней с ним д. Глазукино¹⁹ отмечено *пир'яйэх'ли, мнóга д'язц'ей* (многократно), *лякс'ей, алякс'ей сяр'г'ич, йач'мэн', иниц'ярэсна* (неск.), *инц'ярэс'нии б'ыла жыт', / скóл'ка он там нядэл' ляж'ыт / нядэли ни нядэлю / дзвэ там /* (в рассказе об обработке льна), *хто п'б'ядн'ей, такóйе б'ыла вясэли, што я тóл'ки ня д'эльла*, (дочь училась) *в р'ямэс'лин'ьй шкóли, д'ярэвню* (многократно в различных формах, в том числе *дир'явэн'*), *н' жалэзну'у дарóгу, б'яз'д'этн'ья, сябе* (неск.), *сям'ейный, в'скрясэн'йе, с' нявэстк'ьй, дяш'эв'ли*; характерно, что все информаторы слово *еще* произносят как *ашчэ* в отличие от *ишишэ, ишчэ* в говорах с иканьем тешевицкого типа. Исключения составили двукратное *ципэр'* при обычном *цяпэр'* в речи информатора из Мелётова.

В огромной некогда (более 300 дворов к началу века)²⁰ по местным масштабам деревне Большое Загорье, считавшейся культурной, а до коллективизации — очень богатой, значительный процент населения составляли старообрядцы (скорее всего, принявшие единоверие, но видимо, далеко не все). В начале XIX века рядом с Загорьем возник выселок Чудинково (ранее Завалинка). Мы располагаем довольно большими по объему записями из этих деревень; зафиксированные в них слова с исконным [e] перед последующим [é] ударным произносятся обычно всеми информаторами в якающем оформлении²¹: *ня жэ́н'шчыны, нъ нядэ́ли, цяпе́р', сярге́й* (неск. и в речи разных информаторов), *дярэ́вня* (многократно, в различных формах, у каждого из информаторов), *пиряйэ́ли, карма́ла дзяце́й, нявэ́стка майа́, глядэ́ла, йачме́н', нъ рьмяшкэ́, цялэ́ги, никаких ъчиряде́й, интярэ́сна, нъ сябе, дядя вая ня сяднейф* 'фам. Седнеев'. Форма *нъ рьмяшкэ́* (при традиционном *нъ римяшкí*) и слово *ъчиряде́й*, зафиксированные в речи информатора, окончившего 7 кл., как бы удостоверяют местную норму произношения. А.Ф. Иванова (1925 г. рожд.) долго работала на кирпичном заводе под Ленинградом, но она тоже произносит *д'арэ́вни, дирявэ́н'с'ки* (наряду с *дирэ́вня*), *пиряйэ́хъла, пиряйэ́хът', с'э́бе, нъ з'эмлэ́* (при традиционном *нъ зямлі́*), но *типéр', тэ́пéр'*.

Несколько иная картина представлена в речи двух старейших информаторов²², проживавших в Большом Загорье, но родившихся и большую часть жизни проживших в ныне не существующей д. Дубицы, находившейся в 7 км к северо-западу от Б. Загорья (в сторону Торошино), и в почти опустевшей д. Борова Гора. В их говоре яканье в слогe перед последующим ударным [é] преобладает: *дзяце́й, н'едэ́л', вяр'тэ́т', нъ цялэ́ги, нявэ́ста, ня ме́ста, нъряшэ́чна* 'покрыто жердями, нарешечено', *в яврэ́их* (нянькой служила), *нядэ́лю мо́ч'ит, жалтэ́т', нъ жалэ́зину, глядэ́т', пирэ́йэ́хъл*. В то же время в их речи зафиксировано *целле́й, нъ сибэ́, дере́вню*, также *д'ерэ́вню, дьрэ́вню*, (жить) *нъ лэхча ста́ла, тепэ́р' и тяпéр', на сим нидэ́л' пост вялі́кы́* — *в нядэ́ли в сре́ду и ф пя́тницу ск'аро́м, не э́ли, нъ сибэ́*. У обеих женщин есть и другие отступления от сильного яканья, например: *авэ́д держа́ли, несэ́м, с'нес'цй́, скати́ны мно́га диржа́ли, / держа́л ко́ний / чат'вёрку д'аржа́л /, та́кый трэ́па́ла, вд'эва́т', и в' вер'ху́ во́сим па́льчэ́к* — и тут же *в' вяр'ху́ кеп, / ну так бе́ли́ли канэ́шна / всно́й нъ рячо́нку с'нясэ́м белі́цца!*. Как интерпретировать эти факты, в настоящее время пока неясно, но не исключено, что д. Дубицы находилась на самой границе между ареалом сильного яканья и тешевицкого иканья, которое достаточно надежно, как нам кажется, засвидетельствовано в говоре д. Подборовье, расположенного приблизительно в 15 км на северо-запад от Дубиц (см. карту 2).

Наконец, мы располагаем многочисленными записями из нескольких деревень Печорского района, расположенных к западу от Изборска. Их анализ показывает, что для всего "заизборского" ареала характерно сильное яканье без исключений и по этой причине считаем излишним приводить конкретные примеры для его демонстрации.

В итоге, можно утверждать, что по окраинам южной и юго-восточной части современного Псковского района распространены говоры, для которых характерно недиссимильативное (сильное) яканье (и, конечно, сильное аканье). Сам по себе этот факт является дополнительным свидетельством в пользу того, что тешевецкое иканье имеет вполне определенный ареал распространения. В свою очередь, существование говоров, в которых в слоге перед [é] наблюдается последовательное яканье во всех случаях, делает маловероятным предположение о том, что лексемы, в которых оно фиксируется в тешевецких говорах, являются просто фонетическими заимствованиями из разговорной литературной речи.

К происхождению и распространению тешевецких говоров

Ранее отмечалось, что магнитофонные записи на Псковщине выполнялись нами в основном с целью доисследования некоторых особенностей консонантизма псковских говоров. Они содержат также достаточно материала для характеристики их вокализма, однако, как теперь стало очевидным, описание особенностей реализации предударного /e/ требовало особой программы. Выбор населенных пунктов для обследования в Псковском районе определялся как нашей основной задачей, так и тем обстоятельством, что деревни поближе к Пскову либо совершенно опустели, либо превратились в дачные поселки, либо стали центрами совхозов со значительным количеством приезжего населения. В общем, набор данных о тешевецкой системе предударного вокализма, рассмотренных выше, является случайным как по набору примеров, так и по их лингвогеографии.

Очевидно, все это обуславливает как недостатки нашего исследования, так и его провизорный характер. В то же время нам кажется значительным тот факт, что, несмотря на указанные обстоятельства, тешевецкую систему все же удалось не только обнаружить, но и приблизительно установить территорию ее распространения.

Кажется естественным предположить, что тешевецкая система предударного вокализма генетически связана с бельской системой, описанной в первой части работы. Поскольку

• в бельской системе в предударных слогах перед [é ó] закономерным является именно [и], ([е] в этой позиции является реликтовой чертой),

• а в тешевицкой системе [и] является нормой только в слогах перед ударным [é] (при редких случаях произношения [e], [ε] перед последующим ударным [ó]),

то можно утверждать, что *тешевицкая система представляет собой более поздний этап развития бельской.*

Предполагаемая эволюция предупредного [e] перед последующим ударным [é] в бельской системе должна была произойти до распространения и утверждения системы сильного яканья. Иными словами, когда в говорах с бельской системой вокализма начало формироваться (или распространяться, в данном случае это не имеет значения) яканье, то в них должен был совершиться переход [e] > [и] в слогах перед последующим ударным [é]. Это позиционное иканье препятствовало формированию системы сильного яканья, поскольку замена [и] на [’а] являлась бы не собственно фонетическим изменением, а должно было бы представлять собой процесс генерализации яканья, его обобщения на все возможные позиции. Сам же факт существования тешевицкого иканья подсказывает, что яканье в этих говорах сначала распространялось на предупредные слоги перед последующим ударным [ó]. Исходным же состоянием для развития бельской системы вокализма была система типа канонической гдовской, характеризующейся, как известно, аканьем-яканьем в предупредных слогах перед гласными верхнего и нижнего подъемов [í ы́ ú á] и оканьем в слогах перед последующими ударными гласными среднего подъема [é ó] [Строганова 1962; 1970; Степанова 1997; Чекмонас 1998].

Приведенные выше данные о говорах с тешевицкой системой, расположенных в ареале, безоговорочно считающимся в русской диалектологии типичным псковским сильно акающим-якающим, в принципе можно интерпретировать следующим образом: поскольку тешевицкое иканье на псковщине ранее не отмечалось (действительно, трудно представить, как и почему его не замечали несколько поколений диалектологов, здесь работавших, в том числе и эксплораторы программы ДАРЯ), то его и не было; оно возникло недавно под влиянием литературного произношения. Д. Тешевицы расположена у важной дороги Псков–Печоры и Псков–Рига; согласно И.И. Василеву [1882], в XIX в. в Тешевицах был постоянный двор и “особый поселок, где питейный дом”. Следовательно, деревня в принципе была открытой для влияния литературной речи, влияние которой и обусловило развитие описанного выше иканья. То же самое можно сказать и о многих других деревнях.

Мы не отрицаем, что икающее литературное произношение могло отразиться на фонетическом облике целого ряда слов, принадлежа-

щих к слою культурной лексики, даже в речи информаторов, такому влиянию непосредственно не подверженных. Ведь не исключено, что такие слова были усвоены носителями традиционных говоров еще в XIX в. Вполне возможно также, что диалектологи и раньше *слышали* иканье в отдельных словах и не отмечали его как именно “литературное наслоение” в соответствующих говорах.

Однако вряд ли есть основания полагать, что литературное произношение может повлиять на определенную позицию во всех традиционных словах совсем неграмотных или очень малограмотных носителей говоров и, в конечном итоге, привести к формированию особой системы предупредного вокализма. Кроме того, как показывают наблюдения, под влиянием литературного произношения устраняется прежде всего яканье в слогах перед ударным [á], и, вообще, такое влияние ведет к частичному или почти полному устранению яканья, как весьма заметной черты деревенского произношения, во всех позициях. Если же носитель говора систематически произносит *дирéвня* — но *дирявнѣ*, *дирявнѣюшка*, и последовательно якает в остальных случаях, то предположение о том, что именно *дирéвня* является следствием влияния литературного произношения не кажется убедительным.

Наконец, в пользу реальности существования тешевицкой системы предупредного вокализма свидетельствует также лингвогеография тешевицкого иканья. Как было показано выше, к западу, к югу и юго-востоку от предполагаемой территории его распространения господствует сильное аканье-яканье. Трудно, если вообще возможно, объяснить, почему влияние литературного произношения возможно на одной территории и не проявилось на соседней, хотя условия для такого влияния существовали в обоих случаях.

Наконец, кажется важным отметить следующее. Л.И. Царева, изучившая вокализм говоров восьми деревень нынешнего Пушкиногорского района, обнаружила в них многочисленные отступления от сильного яканья, и большинство таких случаев приходилось на предупредные слоги перед последующими ударными [é ó] и [á] [1962, 63]. Из ее материалов следует, что [e] в указанных позициях произносится наряду и параллельно с [’a] (например, *бярёт* / *берёт* / *бирёт* и др.). На карте 3 ДАРЯ I “Типы различия или совпадения гласных неверхнего подъема в первом предупредном слоге после мягких согласных” это явление отражения не нашло, хотя пп. 203, 205 и 206 (дд. Салтаново, Воронич и Мельница) принадлежат к числу обследованных Л.И. Царевой. По ее наблюдениям, к сожалению, не документированным и не подтвержденным конкретным материалом (по край-

ней мере, в данной статье), аналогичные отступления от принципа сильного яканья наблюдаются на всей территории к северу и северо-западу от Пушкиногорского р-на (в том числе, в Островском, Пыталовском, Палкинском и Печорском). Насколько нам известно, наблюдения Л.И. Царевой не проверялись, но и не опровергались, последующие исследователи их как бы не заметили, а материалы ДАРЯ их денонсировали *de facto*. Между тем, Л.И. Царевой принадлежит единственная в своем роде попытка воссоздать общую картину истории распространения аканья-яканья на Псковщине, и отступления от сильного яканья, описанные ею же, занимают в ее теории важное место. В настоящее время мы располагаем магнитофонными записями практически из всех сильноокающих и сильноякающих говоров Псковской области, достаточными для того, чтобы проверить и уточнить наблюдения Л.И. Царевой, и эта работа поможет выяснить, имеется ли какая-либо генетическая связь между бельским и тешевицким вокализмом с одной стороны, и отступлениями от сильного яканья в более южных районах Псковщины.

3. К ИСТОРИИ АКАНЬЯ-ЯКАНЬЯ В ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ПСКОВСКОГО РАЙОНА (по данным современных говоров и письменных источников)

Анализ приведенных выше материалов, показал, что практически на всей территории современного Псковского района не сложилась система сильного (недиссимилятивного) аканья-яканья, являющаяся основным признаком псковских говоров как классификационной единицы русского диалектного континуума. Иными словами, можно считать, что говоры вокруг Пскова не принадлежат к собственно псковским. Это уточнение к современной диалектологической карте Псковской области кажется нам очень существенным, поскольку оно позволяет сделать целый ряд выводов об истории распространения аканья и яканья на территории современного Псковского района, а также показать, что сам город Псков, как метрополия исторической Псковской земли, не был эпицентром распространения сильного аканья-яканья. Систематизируем теперь данные, позволяющие сделать эти выводы и предположения.

Реконструкция на основе данных современных говоров

Как было показано в первой части статьи, к северу от Пскова приблизительно до границ Гдовского района, между полновскими говорами на северо-востоке и окающими — на востоке, распространено

сильное (недиссимильативное) аканье, а также яканье в слогах перед последующими ударными гласными высокого и низкого подъемов [í ỳ ú á], сочетающееся с иканьем перед последующими ударными гласными среднего подъема [é ó], или, схематически, система предударного вокализма

после твердых согласных

CaCV

после мягких согласных

C'aCí ỳ ú

C'и(е)Cé ó

C'aCá.

Эта система предударного вокализма была названа *бельской*, а говоры, в которых она распространена — *бельскими*. Ее диахроническая связь с канонической гдовской системой предударного вокализма, в которой сочетаются аканье-яканье в слогах перед последующими ударными гласными [í ỳ ú á] и оканье в слогах перед ударными [é ó], или, схематически:

после твердых согласных

CaCí ỳ ú

CoCé ó

CaCá

после мягких согласных

C'aCí ỳ ú

C'eCé ó

C'aCá,

не вызывает сомнений. Во-первых, на эту связь прямо указывают спорадические случаи сохранения предударного [e] в слогах перед последующими ударными [é ó] (обычно под сильным ударением и эмфазой), а во-вторых, изменение предударного гдовск. *e > u перед /é ó/ вполне мотивировано фонетически. Так, переход *e > u обусловлен, видимо, некоторым сокращением длительности предударных слогов, связанным с устранением олофонии (когда предударные не уступают по длительности последующим ударным, а часто и превосходят их) и становлением плерофонии, когда предударные, будучи гласными полного образования, по длительности обычно не превосходят последующие ударные гласные. Таким образом,

- система бельского иканья изоморфна системе гдовского яканья;
- бельское иканье вполне могло сформироваться на основе гдовского яканья.

В свою очередь, тешевичское иканье можно рассматривать как еще более продвинутый этап разрушения гдовского яканья по сравнению с бельским, обусловленный тем, что яканье охватило здесь и предударные слоги перед последующим ударным [ó]. Это означает, что

- яканье на территории современных тешевичских говоров начало распространяться раньше, чем на территории современных бельских,
- и что тешевичское иканье сформировалось ранее бельского.

Надежная, как нам кажется, реконструкция гдовского яканья на территории современных бельских и тешевицких говоров позволяет сделать и следующий шаг, именно, предположить, что параллельно с гдовским яканьем здесь существовало и гдовское аканье. Это предположение вполне реалистично, поскольку обычно системы яканья в акающих говорах формируются по модели аканья. Значит, в общем, *тешевицкую и бельскую системы предударного вокализма можно рассматривать как последующий этап модификаций канонической гдовской системы предударного вокализма, связанный с распространением сильного аканья и указанного изменения *e > и в соответствующих позициях:*

<p><i>каноническая гдовская система</i></p> <p>*CaCí Ы́ Ы́ *C'aCí Ы́ Ы́</p> <p>*CoCé ó *C'eCé ó</p> <p>*CaCá *C'aCá</p>	>	<p><i>бельская система</i></p> <p>CaCV C'aCí Ы́ Ы́</p> <p>Си(е)Cé ó</p> <p>C'aCá;</p> <p><i>тешевицкая система</i></p> <p>CaCV C'aCí Ы́ Ы́</p> <p>C'aCó // СиCé</p> <p>C'aCá.</p>
---	---	---

Бельская система изоморфна разновидности гдовской системы с уканьем, распространенной к северу от территории канонической гдовской системы в том смысле, что переход безударного *o > y фонетически аналогичен переходу *e > u, и оба изменения вызваны, скорее всего, одной и той же причиной (именно, относительным сокращением длительности предударного слога, но это еще предстоит обосновать). Самое же интересное состоит в том, что более архаичная каноническая гдовская система, судя по известным на сей день данным [Строганова 1962; Образование 1970; см. карту в Чекмонас 1998, 117] географически распространена в центре по отношению к инновационным

- гдовской (под)системе с уканьем (“гдовской укающей”), расположенной к северу от нее,
- и бельской системе, расположенной к югу от нее.

Кажется очевидным, что становление канонической гдовской системы предударного вокализма было связано с первой волной распространения сильного аканья-яканья на территории окающих говоров. Сами особенности этой системы показывают, что аканье-яканье охватывало и закреплялось прежде всего в предударных слогах перед последующими ударными гласными высокого и низкого подъемов [í Ы́ Ы́ á]. В слогах же перед последующими ударными гласными среднего

подъема [é ó] продолжает сохраняться оканье. Иными словами, каноническая гдовская система предупредного вокализма является акающей-окающей (сочетающей принципы аканья и оканья) как с синхронической, так и с диахронической точек зрения.

Весьма знаменательным кажется то, что в бельских говорах при яканьи в закономерных для них позициях предупредный [’а] реализуется как сложный негомогенный гласный, артикуляция и звучание которого начинается с широкого звука типа [э, ё] и только заканчивается отрезком [а]. Это дает основание полагать, что яканье в данных говорах также не установилось полностью и, следовательно, что оно является здесь более молодым явлением, чем аканье. Иными словами, можно допускать, что в говорах данного типа сначала утверждалось аканье, а яканье следовало за ним.

Типологически канонической гдовской системе могла предшествовать полновская система предупредного вокализма, при которой принцип оканья выдерживается и в слогах перед последующим ударным [á], однако территория распространения зафиксированной полновской системы позволяет предполагать, что на территории ее распространения в настоящее время она является инновацией [Чекмонас 1998, 116–122].

Как уже говорилось, разрушение канонической гдовской системы предупредного вокализма и ее эволюция в бельскую систему связаны прежде всего с изменением предупредного [е] в [и], которое, как было показано выше, полностью не закончилось, поскольку во всех говорах данного типа предупредное [е] может выступать в качестве фоностилистического варианта [и]. После этого начала распространяться вторая волна аканья, в результате чего гдовское аканье-оканье сменилось сильным аканьем.

Поскольку нет оснований сомневаться в том, что аканье-яканье распространялось с юга, то становится очевидным, что центральное положение (относительно архаической) канонической гдовской системы по отношению к бельской и гдовской укающей связано с тем, что каноническая система была разрушена на южной окраине территории, на которую распространялась вторая волна аканья-яканья, т.е. на территории современных бельских и тешевицких говоров.

Во время становления тешевицкой и бельской систем предупредного вокализма каноническая гдовская система продолжала распространяться далее на север современного гдовского района. На этих новых для нее территориях возникает гдовское уканье и, в итоге, формируется современная лингвогеографическая структура ареала ее распространения.

Таким образом, есть *все основания полагать, что каноническая гдовская системы предударного вокализма является гдовской по месту ее первой фиксации, но собственно псковской по территории формирования*. В пользу такого предположения свидетельствует и тешевицкое иканье, распространенное в говорах южной части Псковского района, окаймляющих бельские говоры. Как было сказано выше, в настоящее время довольно трудно установить южную границу бельских говоров и северную — тешевицких, но можно думать, что еще совсем недавно она проходила приблизительно на уровне Пскова.

Итак, данные современных говоров свидетельствуют о том, что каноническая гдовская система предударного вокализма была распространена, скорее всего, гораздо дальше к югу от своей нынешней территории, как минимум, на территории современных тешевицких и бельских говоров.

Сам факт отсутствия сильного яканья в большей части говоров современного Псковского района в настоящее время позволяет думать, что гдовское яканье функционировало здесь еще относительно недавно. В свою очередь, это позволяет также сделать предположения-экстраполяции о том, что рассматриваемая территория довольно долго была окающей, что вообще аканье-яканье является здесь относительно недавней инновацией. И, наконец, из изложенного выше со всей очевидностью следует, что сам Псков вряд ли являлся эпицентром распространения не только сильного аканья-яканья, но и вообще аканья-яканья как такового.

Реконструкция по данным письменных памятников

Естественно, возникает вопрос о том, каким образом реконструкции и заключения, сделанные на основании данных современных говоров, соотносятся с данными письменных источников, изучение которых имеет уже почти вековую традицию.

Общеизвестно, что в старших памятниках псковской письменности (XIV–XVI вв.) зафиксировано очень небольшое количество примеров, отражающих аканье. По этой причине проблема сопоставления данных современных говоров и данных письменных памятников при изучении истории аканья на Псковщине до недавнего времени была относительно малоактуальной, хотя Н.М. Каринский [1916] на практике показал перспективность и важность данных диалектологии для интерпретации целого ряда явлений, отраженных в письменности.

В большой работе Е.А. Галинской [1997], посвященной, в основном, обзору результатов изучения явлений исторической фонетики

псковских говоров, отраженных в письменных памятниках, впервые, как кажется, было обращено внимание на то, что памятники деловой письменности XVII в., а также русско-немецкий разговорник Томаса Фенне начала XVII века [1972] содержат более богатый материал для истории аканья на Псковщине, чем памятники предшествующих периодов. Ее наблюдения очень важны для целей данной работы, и поэтому рассмотрим их более внимательно.

Прежде всего, Е.А. Галинская указывает, что “в одной из псковских отказных книг начала XVII в. (РГАДА, ф. 1209, оп. 2, кн. 8454) написания с отражением аканья укладываются в схему гдовского вокализма ...”, и материалы других рукописей “позволяет прийти к тому же заключению” [1997, 86–87]. Такой вывод ей позволили сделать следующие примеры прямого или косвенного (в виде написания *o* на месте несомненного *a*) отражения аканья в следующих предупредных позициях (указания на отказные книги-источники опускаю):

1) перед [и]: *Бора³динЪ*, (пустошь) *Галицыно*, *Говрилька*, *Наги^и* наряду с *Ноги^и*, *Снавидову* (дат. ед.), *sa ... Снавидовым*, *Снавидова* наряду с *Сновидову*;

2) перед [ы]: *Бобарыкину*, *передъ Бобарыкины^и*, *в Валь^ицо^еское помѣстье*, *Давыдка Карамыслова* и нек. др.;

3) перед [у]: с *Маку^икою* наряду с *Мокушка*, *Че^енаусова*, *пусто^ию Барасовы^и*; (пример *Валуева* наряду с *Волуева*, приводимый Е.А. Галинской, кажется менее показательным, поскольку прозвище *Валуи* может быть основано на слове *валуй* ‘человек, занимающийся кастрацией животных’, и тогда форму *Волуева* можно было бы трактовать как гипернормативную);

4) перед [а]: *Афанасе^и*, *Афана^ея*, *офанасева ... помѣстья*, *Верхаляне* (неск.), *в др^ене Караваеве*, *ЛабанЪ*, *По^икратово*, *Сабаки^и*, *Сабакина*, *Тана^и*, *Тонаю*, *Хо^еламову*, *Хо^еламо^е*, а также аппелятивы *гара*, *акла^о*, *астали^е*, *досматря* [ibid.].

Далее, однако, замечается: “Имеется и несколько случаев написания *a* в соответствии с фонемой <o> перед *o*, *e*: *таво*, *са мною*, *погарели*, *во дваре^и*, *пска^еско^и*, *Арехова* наряду с *ар^ехово*”.

Последние примеры кажутся не менее надежными и их не настолько мало по сравнению с примерами, указывающими на аканье в других позициях, чтобы считать их просто случайными. Если же не считать их случайными, то идея об отражении в изученном материале гдовской системы аканья оказывается необоснованной, поскольку они указывают на сильное аканье. Е.А. Галинская это понимает, и потому делает следующую оговорку:

“Наличие этих примеров (аканья перед последующими [é б] — В.Ч.), немногочисленных на фоне вышеприведенных случаев написания а в соответствии с фонемой <о> перед и, ы, у, а, не противоречит выводу о том, что в говоре писцов исследуемых текстов первой половины XVII в. наличествовал вокализм гдовского типа, — ведь и в современных говорах, где распространен этот вокализм, в единичных случаях имеются отклонения от него в ту или другую стороны [см. Жуковская 1962, 7–9]”.

Ссылка на работу З.В. Жуковской [1962, 7–9] в данном случае не спасает положения, поскольку в ней недифференцированно приводятся примеры аканья и оканья из говоров с гдовским вокализмом как из южной части ареала его распространения (например, дд. Спицыно, Боровик, Лудва, Теребище, Самолва, Ямм, Гвозно, Горка), так и из северной (из бывшего Лядского района) [Жуковская 1962, 5], а также из говоров, непосредственно примыкающих к полновским (напр., д. Сиковицы Струго-Красненского района, расположенной рядом с д. Узьмино, см. [Строганова, 1962; карту распространения полновских говоров см. Чекмонас 1998, 117]), для которых оканье перед последующим ударным [á] является закономерным и влияние которых могло обусловить некоторые отступления от гдовской системы. Кроме того, в этой работе содержится целый ряд поспешных и малообоснованных обобщений, не подтвержденных впоследствии (причиной этому могли быть ненадежные материалы). В итоге, предположение Е.А. Галинской о том, что приведенные ею материалы якобы несомненно свидетельствуют об отражении в псковских памятниках деловой письменности начала XVII в. именно гдовского аканья, несмотря на всю свою привлекательность, оказывается недостаточно обоснованным. В связи с этим более тщательной проверки и дополнений требуют также материалы “отказной и отдельной книги № 8461”, содержащие под 1642 г. записи писца из Опочки, которые дали Е.А. Галинской основание полагать, что “в рассматриваемый период этот тип вокализма (гдовское аканье — В.Ч.) характеризовал говоры, локализовавшиеся *значительно южнее Пскова*” [1997, 88].

По мнению Е.А. Галинской, “подтверждение тому, что именно гдовский вокализм был представлен в псковском диалекте начала XVII века” можно найти в разговорнике Т. Фенне [там же, 87]. При этом она обращает внимание на следующие примеры из словарной части этой рукописи: *karvita капыта* (II 77), *rukamunik рукамыйник* (II 99) с аканьем перед ударным [ы́]; *brakavalnik бракавальник* (II 53), *samarall саманал* (II 55, ср. *sammustrel самострел* II 55₁₄), *korabia, karabia корабя, карабя* (II 58), *sabak сабака* (II 76, ср. также *sobak*

dvornea sobaka dvornaja 76₁₃), *aratt aratъ* (II 80, ср. также *oratt oratъ* 100₁₈), *gavædina gavядина* (II 82), *galaffnæ galaвня* (II 102, ср. *gollova голова* 85₁₆) с отражением аканья в слоге перед последующим ударным [á]; один случай с аканьем перед ударным [é] (*varabeí varabeй* II 69), и один случай перед ударным [ó] (*tarog тапор* II 103, но ср. *torogitza топорище* 103₂).

Даже если не быть знакомым с материалами словаря-разговорника Т. Фенне, приведенные выше примеры могут показаться далеко недостаточными для обоснования идеи о том, что они с несомненностью свидетельствуют об отражении именно гдовского аканья. Интерпретация данных этого памятника, кроме того, в любом случае требует особой осторожности из-за сложностей и непоследовательностей графики, которую использовал Т. Фенне при транскрипции русской речи. Проблема отражения оканья и аканья в этом памятнике заслуживает особого разговора, и мы коснемся ее только в той мере, в какой это требует основная тема нашей работы.

Прежде всего, примеров возможного отражения аканья в первой, лексической части рукописи Т. Фенне несколько больше, чем это указала Е.А. Галинская. Так, ее выборку можно дополнить следующими словами: *katag камар* (69₁₇), *platitza плат(в)ица* (71₁₄, т.е. плотвица, плотва), *кабыла кабыла* (II 76₁₉), *sakira сакира* (II 103₁), *gornastali горнастали* (II 108₁₅), *parat парат* 'быстрый' (137₁₇; ср. *порной, порный* 'здоровый сильный' (Даль), дальнейшие связи см. *-пор, порá, порить* [Фасмер ЭСРЯ], *paratia паратие* (137₁₈; сравнит. степень от *парат*), *samatsvetnoi kamin самацветной каминь* (II 118₁₀), *safftsodie сафсуды* (158₁₂), *opalaisat оплашать* (171₁₁). Как видим, только один из этих примеров (*самацветной каминь*) противоречит принципу гдовского аканья. Однако сам факт наличия в памятнике примеров сильного аканья, к которым можно добавить также и дважды написанное Т. Фенне кириллицей слово *здараво*, отражающее, видимо, произношение *здаравó* (Б<ог> даи мнѣ здараво ъхат на рускую землю ..., да похватит да здараво опят отѡхат, 187) все же мешают безоговорочно принять гипотезу Е.А. Галинской.

Кроме того, следует также учитывать следующее. Все примеры с аканьем составляют совершенно незначительную часть слов этого огромного памятника, в котором содержится более 4 000 лексем [Hammerich 1970, IX]. Если бы аканье звучало в речи большинства или даже просто достаточно большого количества вольных или невольных информаторов Т. Фенне, то, во-первых, мы были бы вправе ожидать значительно большего количества таких примеров, а во-вторых, в записях Т. Фенне наблюдалось бы значительно больше

случаев гиперкорректных или ошибочных написаний типа *polatz по-лач* (34₃), *rovok повук* (70₁₄), *sdoiutt сдоют* (80₂₂), *bolagurit болагурить* (162₈), *tontzat: tonzovat тонцать, тонцовать* (163₂), *moraiet морает* (171₁), *dogodatze догодатся* (172₂), *losureva лозурева* (127₁₆, ср. *lazu-revum tzvietom лазуревым цветом* 128₁), возможно также *chlomotzit хломостить* (172₂, ср. *хламостить* у Даля, см. [Фасмер ЭСРЯ]), чем их было сделано им в действительности.

Это не просто абстрактные рассуждения, они основаны прежде всего на анализе написания этимологического *о в открытом заударном слоге в той же лексической части разговорника Т. Фенне. Так, в значительном количестве случаев Т. Фенне пишет, напр., *kolliena колѣна* 'колено' (40₂), *bolotta болота* 'болото' (60₁₁), *porša проша* 'просо' (64₂₂), *pszona пшеона* 'пшено' (64₂₃), *sena сена* 'сено' (65₃), *konoplenaia, lukova, kapustnaia, makavia, oguretznaiia, gortzitznoia seme конопляная, лукова, капустаная, макавья, огуречная, горчицная семя* (65₈₋₁₄), *iabloka яблока* 'яблоко' (66₁), *testa теста* 'тесто' (81₁₀, наряду с *testo* 81₁₁), *ruva пива* 'пиво' (84₁₉, а также 85₁, 85₉), *vcha уха* 'ухо' (85₁₉), *tulova тулова* 'тулово' (87₁), *korita корыта* 'корыто' (99₁₉), *gorla горла* 'горло' (86₁₆), *gosna розна* 'розно' (105₈), *olova олова* 'олово' (113₁₃), *sēliesa желѣза* 'железо' (114₁₋₆), *solotta золота* 'золото' (119₁, наряду с *solotto* 120₁₀), *pega пегга* 'пего' (128₃), *pestra пестра* 'пестро' (128₆), *mala мала* 'мало' (134₇), *mochnata мохната* 'мохнато' (135₁₉), *sucha суха* 'сухо' (136₁₉), *chuda худа* 'худо' (131₈), *porosna порозна* 'порозно' (139₁₄), *grasna красна* 'красно' (139₁₄), на *grasna напрасна* 'напрасно' (141₈), *tolka только* 'только' (159₆), *kolka колька* 'колько' (159₇) и др.

Наоборот, вместо этимологического а-конечного Т. Фенне часто пишет о, ср.: *matko матко* 'матка' (40₄), *safftro зафтро* 'завтра' (33₁₅), *reko реко* 'река' (62₁), *butago бумаго* 'бумага' (93₄, 94₉), *mulno мьльно* 'мыльня, баня' (95₁₄) и др.

Эти примеры не оставляют никакого сомнения в том, что аканье в заударном открытом слоге было действительно известно в речи псковичей и встречалось оно довольно часто — во всяком случае, намного чаще, чем предупредное аканье. Сочетание предупредного оканья и заударного аканья известно на северозападных окраинах территории современных новгородских говоров [ДАРЯ I 1986₁, карты I и 18], и нет оснований думать, что говоры такого типа не были распространены ранее гораздо шире, чем в настоящее время.

Материалы памятника, пожалуй, довольно надежно свидетельствуют о том, что для речи горожан-псковичей во времена Т. Фенне было характерно, в основном, оканье в предупредных слогах. Можно

показать, что большинство своих записей Т. Фенне сделал на слух. Об этом свидетельствуют и его ошибки в словоделении, и характерные звуковые замены (напр., смешение [к] и [т] типа *blotnut* *блётнуть* 'блётнуть' (172,)). Кроме того, срамные слова и фривольные выражения также могли быть записаны только со слуха. Конечно, можно не сомневаться, что Т. Фенне был знаком с правилами русского делового и церковнославянского письма, но его знания в этом отношении не следует преувеличивать, как и не следует преувеличивать степени следования им. *С учетом этих обстоятельств становится понятным, что если бы в начале XVII века предупредное аканье в Пскове было бы частым, оно бы обязательно отразилось в материалах Т. Фенне, по крайней мере, не менее явно, чем представлено, например, заударное аканье в конечных открытых слогах.*

Нельзя не согласиться с тем, что "русские тексты рукописи Фенне с очевидностью свидетельствуют о разнообразии его информаторов, которые несомненно принадлежали к различным социальным слоям и происходили из различных регионов. Различная степень диалектной окраски кажется обусловленной не только разнообразием информантов, но и темами разговора" [Hammerich 1970, XIX]. Можно полагать, что во времена Фенне предупредное оканье было характеристикой традиционной городской посадской речи, тем более речи образованных людей. Некоторые особенности этой речи — хотя бы; например, произношение этимологического **ě* как [и], отраженное и в псковских памятниках, и в материалах Т. Фенне; практически отсутствие в его записях форм на *-шы*, *-фшы* и постпозитивных частиц, — дают основание полагать, что *традиционный говор города Пскова и посадская речь отличалась целым рядом особенностей от речи деревенской, а оканье городской речи могло поддерживаться ориентацией на нормы новгородского произношения.*

В свою очередь, вывод о том, что Псков не был эпицентром распространения аканья и яканья, сделанный выше, позволяет считать, что аканье и яканье проникало прежде всего в речь деревенскую. Это означает, что в самом Пскове акали выходцы из деревни, а также выходцы из южных окраин Псковской земли, где аканье и яканье утвердилось намного раньше, чем в ее центральных и северных частях. Не исключено, что в самом городе Пскове и в других крупных посадах Псковской земли аканье стало нормой только после того, как оно утвердилось в Москве и стало престижным как характерный признак московитской речи.

С учетом сказанного понятно, что интерпретация случаев аканья в материалах Т. Фенне должна быть более осторожной и они вряд

ли позволяют делать какие-либо категоричные утверждения о типе аканья, которые они представляют. Кажется более обоснованным считать, что предударное аканье во Пскове было социолингвистически периферийным явлением, что основными акальщиками в нем были жители околосковских деревень и выходцы из южных регионов Псковской земли. В то же время нельзя и недооценивать факта *преобладания* в записях Т. Фенне примеров аканья, согласующихся с принципами гдовского вокализма, и то, что Е.А. Галинская обратила внимание на это обстоятельство, является ее безусловной заслугой.

Если же дальнейшие исследования подтвердят, по крайней мере, существование тенденции к такому преобладанию, тогда можно будет утверждать, что

- материалы псковских письменных памятников XVII в. согласуются и подтверждают сделанное выше на основе анализа данных современных говоров предположение о том, что на территории современных тешевецких и бельских говоров было распространено аканье гдовского типа,

- и что в самом Пскове распространялось, и, видимо, некоторое время преобладало прежде всего аканье гдовского типа.

При этом еще раз подчеркиваем, что письменные памятники в принципе могут помочь при реконструкции истории аканья, а не типа предударного вокализма вообще (с выяснением особенностей реализации [e] в предударном слоге). По крайней мере это справедливо в отношении материалов Т. Фенне, который, как теперь кажется, бессистемно использовал буквы e и æ для обозначения звуков [e] и [ʼa] в ударном и безударном положении. Рассмотрим в связи с этим следующие примеры.

Слово 'межа' Т. Фенне записывает как mæsa (60₃) подобно pæta 'пята' (89₇), mækini peli 'мякины пелы' В то же время он пишет pisætz 'писец', potæszit 'потешить' (176₃), potætzat 'потешать' (176₃), а также sreditze 'срядится' (177₈), spatetovat 'спамятовать' (179₁), rebipa 'рябина' (63₃), pregai kop '(за)прягай конь', vuipregai kop 'выпрягай конь', pregaitē koni '(за)прягайте кони' (79₁₇₋₁₉), legatze 'лягаться' (172₁₃), petno 'пятно' (80₁₉). Не думаю, что сплошная выборка аналогичных примеров позволит обнаружить какую-то закономерность или хотя бы тенденцию к использованию этих букв, которые позволили бы судить об особенностях реализации предударного [e] в псковской речи того времени. В то же время в записях Фенне имеются примеры ёканья типа trōrat *трёпать* 'трепать' (105₇), lōchal *лёжал* 'лежал' (193₉), которые прямо указывают на отсутствие яканья и на характерную черту псковской речи, до сих пор живую в полновских говорах Гдовщины [Чекмонас 1998, 72, 78 и др.]

В заключение хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство. В уже цитированной работе Е.А. Галинской указывается, что “характерной чертой древней псковской письменности можно считать мену букв е и и в предударных и заударных слогах” [1997, 71, со ссылками на работы Н.М. Каринского, А.А. Шахматова, А.И. Соболевского, Т.Н. Кандауровой]. Очевидно, эта мена может свидетельствовать об иканье в речи псковитян XIV–XV вв. Не исключено, что последовательное написания корня *держ-* как *дирж-* в материалах Т. Фенне (ср., например, ... *dirsi fframeti* ‘держи в памяти’ (197₃), *dirsi vtukaff* ‘держи в рукав’ (203₁₁), *padob sonka ffgrosze dirsatt* ... ‘надобь жонка в грозе держать ... (230₅) и др.) являются реликтом этого явления. В связи с этими данными возникает вопрос, нет ли генетико-типологической связи между предполагаемым древнепсковским иканьем (в безударных слогах), с одной стороны, и тешевичким и бельским — с другой? Эти разновременные явления конечно же не являются идентичными в системном плане, но не исключено, что и древнепсковское иканье, и современные виды иканья сложились по одной и той же причине, сущность которой нам пока неясна. В любом случае факты существования старого иканья, отраженного в памятниках, и распространение иканья в околосковских говорах вряд ли является совершенно случайным совпадением.

Примечания к транскрипции

При транскрибировании диалектных примеров используется упрощенная транскрипция (со знаками *e*, *я*, *ю*, *ё* для передачи мягкости предшествующих согласных).

Мягкость согласных в других случаях обозначается с помощью [']. Мягкие [с', з'] обозначены как *c'*, *z'*; особенности звучания мягких [т'] и [д'], как правило, специально не отмечаются, и только в тех случаях, когда на месте их произносятся совершенно явные аффрикаты, используются знаки *ц(')*, *дз(')*.

Согласный [ч] в обследованных говорах твердый; особый характер его твердости отмечен знаком [ч·] (с точкой вверху) только после [e].

γ — звонкий задненебный фрикативный;

o, *b* — краткий слоговой призвук в слабых безударных слогах;

a — несколько суженное [a] в безударных слогах после мягких согласных;

ä, *ö*, *ë* — краткие безударные гласные соответствующего качества;

э, *ε* — несколько более широкие (низкие и оттянутые назад) звуки по сравнению с [e];

o, *a*, *e*, *y* — оттенки ослабленных кратких безударных гласных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основу карты 1 составляет сканированный фрагмент кальки-бланковки V ДАРЯ "Размещение населенных пунктов, говоры которых отражены в Атласе". Она важна также и для ориентации в наших картах 2 и 3, на которых также нанесены номера пунктов ДАРЯ.

Типы вокализма на нашей карте 1 указаны в соответствии с контурами заливок и штриховок на картах 1 и 3 ДАРЯ. Это означает, что нами была проделана своего рода дешифровка населенных пунктов говоров, сведения из которых были использованы при определении ареалов распространения типов аканья и яканья.

Указание на диссимилиативное аканье в пп. 105 и 217 карты 1 ДАРЯ I [1986,] является очевидным артефактом; составители и редакторы этой карты оставили сведения эксплораторов непроверенными скорее всего потому, что "наличие остатков", реликтов диссимилиативного аканья в зонах сильного аканья согласуется с теорией о позднем характере последнего и развитии его из диссимилиативного, которой придерживаются почти все историки русского языка.

Содержание понятия "яканье гдовского типа", принятое автором карты 3 ДАРЯ I, подробно рассматривается в тексте статьи. Здесь же необходимо отметить, что традиционное значение понятия "яканье гдовского типа" автором карты 3 квалифицируется как "полное или частичное различие <о> – <е> – <а> только перед *ó, é, реже á*", причем соответствующие системы в легенде к карте проиллюстрированы так, что их можно прочитать как реализации типа у *сестры́/сёстры́, в лесу́, пятóк, несём, белю́, гляди́*. В таком случае следовало бы говорить об отсутствии яканья вообще, поскольку в таких системах допустимы в *лесу́, белю́*.

Обращает на себя внимание и то, что на карте 3 ДАРЯ I весь ареал "полного или частичного различия <о> – <е> – <а> только перед *ó, é, реже á*", заштрихован красными линиями, указывающими, согласно легенде, на *сильное яканье*, а большая часть его залита цветом, указывающим на *отсутствие яканья*. Все вместе взятое делает карту 3 ДАРЯ I весьма неverständlicher для характеристики рассматриваемого нами ареала.

² Здесь и в дальнейшем названия пунктов, обследованных по программе ДАРЯ, даны по [ДАРЯ III 1996].

³ Существенным недостатком анализируемых примеров является то, что они не документированы, т.е. неизвестными остались характеристики информаторов или информатора, от которого они были записаны.

⁴ Пользуюсь случаем поблагодарить ассистента кафедры славянской филологии Вильнюсского университета Н. Морозову за помощь во время экспедиции.

⁵ Д. Васцы, как она значится на картах и в официальных документах, в местной традиции называется *Бал'шны Васцы* в отличие от *Мáлыны Васцыц* (род. пад. от *Вáсцы*), или Задорожья, расположенных через дорогу друг от друга; под этими названиями деревни упоминаются в работе [Василев 1882]. В настоящее время обе деревни объединены в одну.

В Третьих нашим основным информатором была Татьяна Егоровна Скупова, 1906 г. рожд., родившаяся в д. Конечек (в полутора км от Третьей), абсолютно неграмотная, в данной местности прожила безвыездно, а в Больших Васцах — Евдокия Васильевна Овчинникова, 1909 г. рожд., родилась и прожила всю жизнь в Васцах, в школу не ходила, читать выучилась сама, но уже много лет не брала книжки в руки.

⁶ Здесь и с дальнейшим примеры поданы в несколько упрощенной транскрипции, используемой в [Бюллетень 1991]; фонетическое значение знаков, введенных нами, оговаривается в тексте статьи, а в систематическом виде они приведены в конце рабо-

ты перед примечаниями. Значения слов указываются только в том случае, если они являются малоизвестными диалектизмами, не имеющими соответствий в литературном языке, или если их трудно опознать из-за фонетических изменений. Сокращение (неск.) после примера означает, что было зафиксировано несколько случаев употребления данного слова (в данной форме и в различных формах).

⁷ Интересно отметить, что в VIII т. *Псковского областного словаря* слово ГРЯСТИ 'приближаться, перемещаться в каком-л. направлении' не зафиксировано в живом употреблении.

⁸ Д. Грядищи фактически слилась с д. Вергино, границы которой, в свою очередь, доходят до черты г.п. Середка. Нашими информаторами были бабушка Мария, 1904 г. рожд., и Н. Бударина, 1904 г. рожд., обе абсолютно неграмотные.

⁹ Эти деревни находятся в полукилометре одна от другой в 2 км к югу от Елизарова (по дороге на Псков), на картах они часто обозначаются как один населенный пункт. Их жители также составляют фактически одно целое в демографическом отношении, так как многие из них, родившись в одной из этих деревень, вышли замуж в другую.

В 1992–1993 гг. здесь были сделаны многочасовые магнитофонные записи речи Марии Тимофеевны Тимофеевой (1910 г. рожд., писать и читать выучилась сама), В.А. Гончаровой (1916 г. рожд., окончила 4 кл. начальной школы, до войны 4 года прожила в г. Сланцы), Анны Андреевны Хориной (родилась в 1901 или 1902 году, точно не помнит, совсем неграмотная), Татьяны Федоровны Харитоновой (1906 г. рожд., неграмотная) и нек. др. Образцовым информатором является А.А. Хорина, которая, по ее словам, из деревни / *никуда ... не была ша́гу шагну́вши* /, удивительно сохранившая традиционную речь, в которой практически нет примеси новых слов. К сожалению, во время записи она болела, и некоторые отрезки речи артикулировала с трудом.

¹⁰ В настоящее время исторический пригород, а впоследствии село Белый является фактически частью д. Гверздонь. До революции погост Белый был центром Бельской волости Гдовского уезда, в 1924 г. эта волость была разделена на 8 сельсоветов, в 1954 г. Бельский и Новиковский с/с были объединены в Новиковский, в настоящее время ни деревни Новиково, ни Новиковского с/с не существует, его территория в основном вошла в состав Гверздонского с/с [Административно-территориальное деление 1988]. В памяти местных жителей, однако, название села Бела сохраняется.

¹¹ Основным информатором была Прасковья Тимофеевна Маркелова (1914 г. рожд., урожд. Борхова), практически неграмотная, из деревни не выезжала, влияние литературного языка не испытывала и не испытывает. Характерно, что ее дочери, живущие во Пскове, стыдятся речи своей матери. П.Т. Маркелова является хорошей рассказчицей, памятьливой и сообразительной женщиной, в 1994 г. мы беседовали с ней несколько раз. Она помогла нам выполнить специальную программу, а также прокомментировала по нашей просьбе некоторые особенности своей артикуляции. В 1996 году мы ее навестили еще раз, но она уже плохо говорила, так как из-за семейных бед у нее случился инсульт.

Небольшие по объему тексты записаны также от жительницы д. Плесок А.А. Пучковой, родившейся в д. Волково Изборского с/с (точное местоположение этой деревни установить не удалось, но, судя по рассказам информантки, она находилась недалеко от Тешевиц). Д. Плесок соответствует, видимо, д. *Плесоки* Печорского р-на, обследованной по программе ДАРЯ (пункт 187).

¹² Еще раз обращаем внимание на то, что 1) в данном говоре, как и в большинстве псковских говоров вообще, в дат. и пред. падежах существительные женского рода типа *вода* имеют форму *вады* [ДАРЯ II карта 2], соответствующую лит. *воде*, а

многие существительные мужского и среднего рода имеют окончания *-у* или *-и* в пред. пад. ед. числа (напр., *нъ ляску́*, ср. лит. *на песке*; *въ вядри́*, ср. лит. *в ведре*); 2) при выполнении магнитофонных записей данная позиция специально не изучалась, и поэтому важные для настоящего исследования слова в них встречаются довольно редко.

¹³ Хорошие образцы местной речи были записаны от трех исконных жителей д. Подборовье — И. Халявина, 1908 г. рожд., его сватья Варвары Блиновой, 1911 г. рожд., и их соседки тети Марии, 1913 г. рожд. Информантки совершенно неграмотны, а И. Халявин в школе учился три зимы. Все трое прожили в деревне безвыездно.

¹⁴ В ранней юности была нянькой в семье военных под Новгородом, потом вышла замуж за военного (латыша по национальности), пробыла несколько лет в эвакуации за Москвой. В деревне постоянно проживает с 1946 года, перед пенсией работала заведующей местным магазином.

¹⁵ Марфа Алексеевна Полякова, 1911 г. рожд., образование 1 класс, родилась в д. Залединье в 8 км от Муровиц, под Ершовым.

¹⁶ Согласно И.И. Василеву [1882], в прошлом веке это деревни Кузнецово, Волженец, или Выдор, Выдра, и Лапина. В 1994 году в ней проживал только один житель, от которого оказалось возможным записать образцы местной речи — Ив.Ем. Емельянов, 1919 г. рожд., образование 4 кл. Информатор человек бывалый, но за пределы сельсовета надолго не выезжал. В его идиолекте представлены все особенности говоров данного ареала, в том числе сильное аканье и яканье.

¹⁷ Деревня находится в 8 км от районного центра г.п. Палкино, на самой границе Псковского и Палкинского районов, см. карту 3. Информаторы Анна Ивановна Игнатова, 1919 г. рожд., неграмотная, и Николай Кузьмич Артемьев, ок. 1915 г. рожд., сам он точно не знает, абсолютно неграмотный; оба информатора родились и всю жизнь прожили в своей деревне безвыездно.

¹⁸ Информаторы: Мария Иванова, 1904 г. рожд., неграмотная; Виктор Петрович, 1930 г. рожд., и его сестра Нина, 1926 г. рожд., малограмотные; Александра Матвеевна Тмарковская, 1922 г. рожд., малограмотная. Записи 1992 года. •

¹⁹ Информатор Мария Алексеевна Домкина, 1920 г. рожд., образование 3 кл., родилась в д. Рыдалы в 6 км к югу от села Мелётова, очень старого местного культурного и торгового центра, в котором по крайней мере еще в начале XX века крестьянского населения не было. В д. Глазухино были записаны образцы речи нескольких информаторов, основным из них является тетья Клавдия, 1905 г. рожд., неграмотная.

²⁰ Ранее просто Загорье или Загорский Ямм; согласно И.И. Василеву [1882], в последней четверти XIX в. в деревне было 211 дворов, 1 единоверческая церковь, часовня, училище, 9 овощных лавок, три кузницы, питейный дом и два постоянных двора.

²¹ Информаторы: Фаина Сергеевна Валетова, 1931 г. рожд., образование 4 кл.; Анна Сергеевна Герасимова, 1914 г. рожд., образование 2 кл.; Мария Травина, Евгений Фёдорович Фомичев, 1924 г. рожд., образование 7 кл.; Анна Филипповна, 1925 г. рожд., и Евгений Александрович, 1931 г. рожд., образование 2 кл., Ивановы.

²² Мария Травина, 1920 г. рожд., и Евдокия Семёнова, 1906 г. рожд., обе совершенно неграмотные.

ЛИТЕРАТУРА

- Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988)*, кн. 1: *Справочник*, кн. 2: *Указатель*. Ленинград, 1988.
- Бюллетень 1991 = Азарх Ю.С., Касаткина Р.Ф., Щигель Е.В. (сост.), *Бюллетень фонетического фонда русского языка*, прилож. № 1: *Русские народные говоры*, ч. 1. Москва–Бохум, 1991.
- Василев И.И., 1882: *Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда Псковской губернии*. Составил И.И. Василев. Псков.
- Галинская Е.А., 1997: Из исторической фонетики псковских говоров, in *Вопросы русского языкознания*, вып. VII: *Русские диалекты: история и современность*. Москва, 67–119.
- Альмухамедова З.М., 1985: Просодия слова в диалектной речи, in *Градиционная фонология и просодия слова русской диалектной речи*. Казань, 90–173.
- Жуковская З.В., 1962: О типе говоров к югу от Гдова, in *Псковские говоры*, т. 1: Труды первой псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 5–27.
- ДАРЯ I 1986 — *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР*, Вып. I: *Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика*. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова и кандидата филологических наук С.В. Бромлей. Москва.
- ДАРЯ I 1986, — *Диалектологический атлас русского языка*. (Центр Европейской части СССР). Карты. Выпуск I: *Фонетика*. Москва.
- ДАРЯ II 1989 — *Диалектологический атлас русского языка*. (Центр Европейской части СССР). Карты. Выпуск II: *Морфология*. Москва.
- ДАРЯ III 1996 — *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. В трех выпусках. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. Справочный аппарат*. Под редакцией члена-корреспондента РАН Р.И. Аванесова и кандидата филологических наук С.В. Бромлей. Москва.
- Евгеньева А.П., 1949: Третья диалектологическая экспедиция филологического факультета, in *Доклады и сообщения филологического института ЛГУ*, вып. I. Ленинград, 211–215.
- Касаткина Р.Ф., 1997: Некоторые наблюдения над ударением в говорах Гдовского района Псковской области, in Бьёрнфлатен Я.И. (ред), *Псковские говоры: История и диалектология русского языка*. Осло, 82–94.
- Каринский Н.М., 1916: Исследование языка псковского Шестоднева 1374 г., *Журнал Министерства народного просвещения*, № 2. 199–251.
- Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: По материалам лингвистической географии*. Москва, 1970.
- Русская диалектология*. Под редакцией Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. Москва, 1965.
- Русская диалектология*, 2-е, переработ., изд. Под редакцией проф. Л.Л. Касаткина. Москва, 1989.

- Степанова С.Б., 1997: *Говор д. Раскопель Гдовского района: транскрипция, анализ, комментарии*, in Бьёрнфлатен Я.И. (ред), *Псковские говоры: История и диалектология русского языка*. Осло, 172–181.
- Строганова Т.Ю., 1962: *О предударном вокализме говоров северо-запада Псковской области*, in *Материалы и исследования по русской диалектологии: Новая серия*, т. III. Москва, 101–103.
- Фасмер ЭСРЯ = Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, пер. и доп. О.Н. Трубачева, т. 1–4. Москва, 1986–1987.
- Царева Л.И., 1962: *Аканье и яканье в говорах юго-западной части Псковской области*, in *Псковские говоры*, т. I: Труды первой псковской диалектологической конференции 1960 года. Псков, 58–76.
- Чекмонас В.Н., 1998: *Аканье и оканье в северной части Псковской области*, *Slavistica Vilnensis*, 1998. 57–132. (Kalbotyra, 47(2).)
- Hammerich L.L. and Roman Jakobson (eds.), 1970: *Tonnie Fenne's Low German Manual of Spoken Russian*. Pskov 1607, vol. II: *Transliteration and translation*. Copenhagen.